PG 14
.S7
I 8

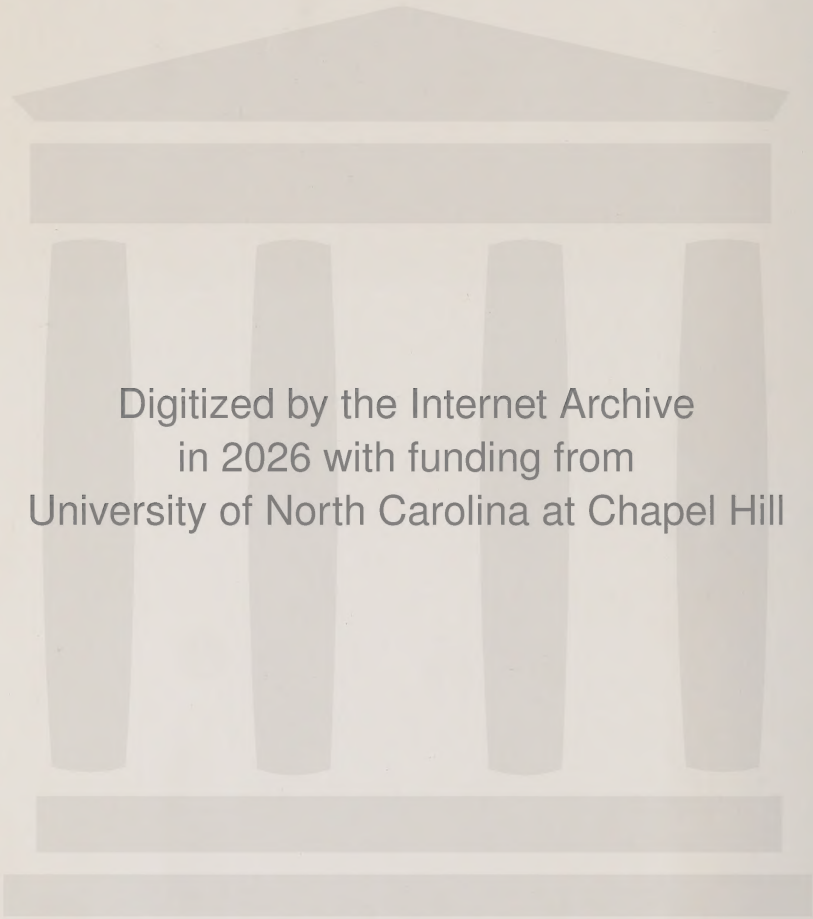
THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG 14
.S7
I 8

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.


Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/izmailivanovichs00srez

1812—1912.

ИЗМАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СРЕЗНЕВСКІЙ.

Краткій біографическій очеркъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1913.

MC
C
PG 1A
.S7
I8

1812—1912.

IZMAIL IVANOVICH

ИЗМАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ

SREZNEVSKII

СРЕЗНЕВСКІЙ.

Краткій біографическій очеркъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1913.

LIBRARY
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
CHAPEL HILL

1057 г.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Январь 1913 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

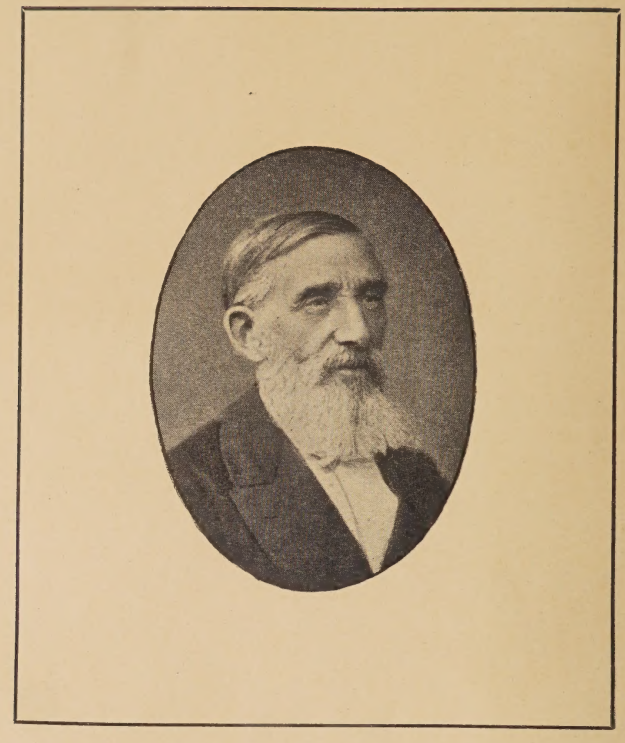
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
В. О., 9 л., 12.

Проверено
1936 г.

70

21119 50

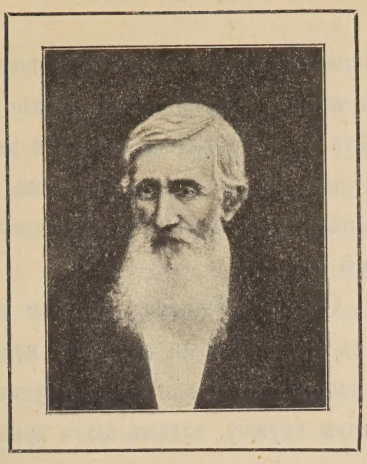
9-3-75



Портретъ И. И. Срезневскаго

1874 г.

1812



1912

Родъ И. И. Срезневскаго идетъ изъ населеннаго государственными крестьянами села Срезнева, лежащаго на высокомъ берегу р. Оки при впаденіи въ нее р. Непложи, въ 18 верстахъ отъ уѣзднаго города Спасска Рязанской губ., въ 15 верстахъ отъ села Старой Рязани, гдѣ до сихъ поръ еще остался высокій валъ разрушенной и сожженной татарами Рязани; вблизи, верстахъ въ 8, отъ Срезнева находится знаменитое по лѣтописнымъ сказаніямъ мѣсто Исады, гдѣ въ 1218 г. Глѣбъ Владимировичъ князь рязанскій «наученъ сый сотоною» съ помощію брата своего Константина зарѣзалъ во время пира шестерыхъ своихъ братьевъ и родичей и съ ними бояръ и дворянъ множество.

Дѣдъ И. И. Срезневскаго, Евсевій Іоанновичъ, былъ священникомъ села Срезнева. Обремененный многочисленнымъ семействомъ, не имѣя никакихъ средствъ, онъ былъ не въ силахъ дать дѣтямъ и самое малое образованіе. Кто искалъ его и интересовался имъ, и кто обладалъ достаточной силой воли, самъ долженъ былъ добывать его. Такими оказались двое изъ дѣтей его, Иванъ Евсѣевичъ (отецъ И. И. Срезневскаго) и Іосифъ Евсѣевичъ. Одинъ за другимъ они ушли изъ родного дома и сами пробили себѣ дорогу, оба достигнувъ профессуры и званія доктора. Братья ихъ остались въ своемъ селѣ: одинъ изъ нихъ наслѣдовалъ послѣ отца санъ настоятеля церкви, остальные слились съ крестьянами; потомки ихъ крестьянствуютъ и доселѣ.

Свое родное село И. И. Срезневскому случилось увидѣть только за нѣсколько лѣтъ до смерти, въ 1877 году, на возвратномъ пути съ Ка-

занскаго археологическаго съѣзда. Мѣсто это, освященное для него и семейными и историческими воспоминаніями, такъ ему полюбилось, что черезъ годъ онъ опять туда поѣхалъ и тамъ же завѣщалъ себя похоронить. Могила его по указанію его самого устроена у церковнаго алтаря старой деревянной церкви, теперь уже не существующей. Вблизи церкви построено училище его имени.

Иванъ Евсѣевичъ Срезневскій началъ ученье въ рязанской семинаріи, продолжалъ его въ Москвѣ, куда добрался изъ Рязани пѣшкомъ съ великимъ трудомъ и лишеніями. По окончаніи университета онъ поступилъ сначала на частную службу, затѣмъ былъ принятъ баккалавромъ въ учительскій институтъ при московскомъ университетѣ и черезъ нѣкоторое время учителемъ географіи и исторіи въ университетскую гимназію. По достиженіи степени магистра философіи и свободныхъ наукъ въ 1804 г., онъ былъ приглашенъ П. Г. Демидовымъ въ открывавшееся тогда въ Ярославлѣ Демидовское вышнихъ наукъ училище на каѳедру «словесности древнихъ языковъ и россійскаго краснорѣчія»; затѣмъ въ 1812 г., послѣ смерти профессора россійскаго краснорѣчія и поэзіи въ харьковскомъ университетѣ И. С. Рижскаго, былъ выбранъ совѣтомъ университета на эту каѳедру и черезъ годъ удостоенъ званія доктора свободныхъ наукъ.

Учено-литературная дѣятельность И. Е. Срезневскаго оставила по себѣ слѣдъ въ рядѣ рѣчей, стихотвореній и переводовъ классиковъ. Рѣчи его несомнѣнно занимаютъ главное мѣсто въ его литературныхъ трудахъ; хотя онѣ и были произнесены по обязанности на торжественныхъ актахъ, онѣ дышатъ жизнью, передаютъ дѣйствительныя убѣжденія автора и въ этомъ отношеніи цѣнны, какъ его характеристика. «Рѣчь о любви къ отечеству» — по мнѣнію самого автора его лучшее произведеніе — даетъ намъ обликъ Ивана Евсѣевича, какъ гражданина-патріота, ставящаго цѣлью своей жизни службу родинѣ; рѣчь «О странствованіи музъ» является изложеніемъ взглядовъ автора на содержаніе курса изящной словесности; рѣчь «De praecipuis characteribus et officiis optimi praeceptoris» интересна по высказаннымъ въ ней авторомъ мыслямъ относительно необходимыхъ качествъ наставника юношества и о первенствующей важности правильнаго въ дѣлѣ преподаванія метода. Вопросъ о воспитаніи обсуждается Иваномъ

Евсѣевичемъ и въ другихъ рѣчахъ; въ нихъ онъ доказываетъ серьезное преимущество публичнаго воспитанія, и въ отношеніи болѣе успѣшнаго и быстраго развитія дѣтей, и въ отношеніи общественномъ, какъ помощь къ возрожденію духа общественности. Широкое развитіе просвѣщенія считалось И. Е. Срезневскимъ насущной потребностью государства; въ связи съ этимъ онъ находилъ необходимымъ дать нормальную постановку дѣлу преподаванія, поднять значеніе учащихъ и оградить ихъ отъ притѣсненій со стороны гражданскихъ властей.

Иванъ Евсѣевичъ, по словамъ біографической записки, составленной скоро послѣ его смерти, «образованію юношества посвящалъ себя болѣе по доброй склонности души своей, нежели по долгу; и потому многихъ содѣялъ признательными навсегда къ истиннымъ своимъ благодѣяніямъ». Тяжелыя условія жизни и чрезмѣрныя занятія въ юные годы рано сломили его силы: онъ умеръ не старымъ, всего 49 лѣтъ, 12 сентября 1819 г., оставивъ вдову и трехъ малолѣтнихъ дѣтей.

Измаилъ Ивановичъ Срезневскій родился 1-го [1]) іюня 1812 г. въ Ярославлѣ въ зданіи Демидовскаго лицея. Отецъ назвалъ его противъ желанія родныхъ необычнымъ именемъ, никѣмъ изъ близкихъ не носимымъ, прельщенный его смысломъ—по еврейски оно значитъ «устроитъ Богъ»: Иванъ Евсѣевичъ тогда уже чувствовалъ свою недолговѣчность.

При переходѣ отца въ Харьковъ, И. И. былъ перевезенъ туда двухмѣсячнымъ ребенкомъ. Съ этихъ поръ до 1839 г. онъ жилъ или въ самомъ Харьковѣ, или въ другихъ мѣстахъ Малороссіи, и только разъ, и то на самый короткій срокъ, въ 1829 г., уѣзжалъ въ Москву. Молодость слила его съ Украиной, и онъ полюбилъ ее со всею своею пылкостью; она была для него второй родиной, но именно второй, такъ какъ всегда ему рисовалась частью его общей русской родины.

Послѣ смерти отца И. И. остался на попеченіи своей матери Елены Ивановны (рожденной Кусковой); ея заботамъ и энергіи онъ обязанъ своимъ воспитаніемъ и образованіемъ; долгіе годы она была его ближайшимъ другомъ-совѣтникомъ и на рукахъ его умерла въ 1856 г., въ

1) Онъ считалъ днемъ своего рожденія 1-ое іюня, хотя въ метрическихъ книгахъ стоитъ 4-ое іюня.

его семьѣ. Глубокая любовь къ ней И. И., ясная для всѣхъ, кто читалъ его письма къ ней, особенно сказалась въ той любви къ семейной жизни и семейнымъ началамъ, которая была его характерной чертой, а уваженіе къ ней — въ признаніи первенствующаго значенія матери въ дѣлѣ начальнаго образованія дѣтей, какъ это онъ высказываетъ въ своихъ бесѣдахъ «Объ изученіи родного языка».

По окончаніи пансіона въ 1826 г. И. И. поступилъ въ харьковскій университетъ на эѳико-политическое отдѣленіе философскаго факультета. Будучи съ дѣтскихъ лѣтъ человѣкомъ энергичнымъ, умѣя серьезно относиться къ труду и вмѣстѣ съ тѣмъ зная, что на немъ, какъ на старшемъ, лежитъ долгъ помогать матери, И. И. съ полнымъ рвеніемъ, несмотря на свои юные годы, предался университетскимъ занятіямъ. Въ 1828 г., когда было опубликовано предложеніе министра народнаго просвѣщенія «объ избраніи студентовъ изъ университетовъ московскаго, петербургскаго, казанскаго и харьковскаго для приготовленія въ профессоры», онъ не задумался включить себя въ число тридцати кандидатовъ на посылку за границу для усовершенствованія, и былъ утвержденъ попечителемъ съ пятью другими товарищами. Мечта И. И. тогда не осуществилась, но отъ этого онъ не палъ духомъ и уже въ 1829 г. блистательно кончилъ курсъ со степенью кандидата, по представленіи диссертаціи «Объ обидѣ».

Студенческія работы по юриспруденціи, несмотря на ихъ напряженность и успѣшность, не были главнымъ предметомъ научныхъ увлеченій И. И.: съ дѣтскихъ лѣтъ подъ вліяніемъ матери полюбивъ литературу и музыку, съ 9-ти лѣтняго возраста начавъ писать стихи, уже съ 14-ти лѣтъ онъ предался изученію народной малорусской поэзіи и работамъ надъ этнографической стариной Украины. Годы молодости И. И. совпали съ тѣмъ временемъ, когда въ Малороссіи начало особенно развиваться это изученіе народной старины и поэзіи, принявшее тогда особое романтическое направленіе, какъ у южно-русскихъ этнографовъ, такъ и въ остальной Россіи, и въ Западной Европѣ. Вокругъ И. И. въ Харьковѣ образовался небольшой кружокъ его пансіонскихъ и университетскихъ товарищей—этнографовъ-романтиковъ, любителей литературы: это были братья О. и Ѳ. Евецкіе (впослѣдствіи принимавшіе участіе въ панславистской «Денницѣ» Дубровскаго), И. В. Росковшенко (переводчикъ Шекспира),

Портретъ Е. И. Срезневской въ гробу, рисунокъ И. И. Срезневскаго.

А. Г. Шпигоцкій (писатель-поэтъ), О. А. Джунковскій; въ средѣ этого кружка, на страницахъ изданнаго Срезневскимъ и Росковшенкомъ «Украинскаго альманаха» (1831 г.) началась литературная дѣятельность И. И., выразившаяся тогда въ рядѣ стихотвореній, въ статьѣ «Мысли и замѣчанія» и въ первой записи малорусскихъ пѣсенъ.

Работы И. И. по народной словесности получили особое развитіе въ 1832—1833 гг., проведенныхъ имъ въ Екатеринославской губ. близъ днѣпровскихъ пороговъ въ качествѣ учителя у помѣщиковъ Подольскихъ. Здѣсь онъ столкнулся съ «живыми памятниками минувшаго» — стариками-запорожцами, слушалъ ихъ разсказы о старой жизни и усердно началъ записывать думы и пѣсни. Результатомъ юношескихъ этнографическихъ работъ И. И., поддержанныхъ содѣйствіемъ друзей и знакомыхъ, былъ выходъ въ свѣтъ ряда книжекъ «Запорожской Старины» (съ 1833 по 1838 г.)—сборника матеріаловъ по исторіи Украины отъ Гедимина до Мазепы, заключающаго въ себѣ собраніе историческихъ пѣсенъ и думъ малорусскихъ, сводъ малорусскихъ лѣтописцевъ и извлеченій изъ другихъ историческихъ документовъ, въ сопровожденіи объяснительныхъ примѣчаній и замѣтокъ о бытѣ и нравахъ запорожцевъ. «Запорожская Старина» въ свое время сыграла чрезвычайно важную роль въ дѣлѣ развитія изученія украинской народной поэзіи и произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на современниковъ; въ то же время она создала первую литературную славу И. И., выдвинувъ его и какъ ученаго собирателя-этнографа, и какъ талантливаго писателя и пламеннаго украинца. Впослѣдствіи, въ 1870-хъ гг., это изданіе подверглось критикѣ Антоновича и Драгоманова въ предисловіи къ ихъ изданію «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа» и Костомарова въ статьѣ по поводу книги Антоновича и Драгоманова; съ несомнѣнностью выяснилось, что наряду съ произведеніями дѣйствительно народными въ «Запорожскую Старину» попало много поддѣльныхъ; И. И. не отвѣтилъ критикамъ его юношеской работы: онъ ранѣе ихъ увидѣлъ ея недостатки и понялъ, что среди его корреспондентовъ были люди и недобросовѣстные; намекомъ это онъ высказалъ еще до выхода въ свѣтъ сборника Антоновича и Драгоманова въ одномъ изъ примѣчаній къ изданной имъ перепискѣ А. Х. Востокова; промахи «Запорожской Старины», можно думать, были причиной того особенно

строгаго его отношенія къ изданіямъ произведеній народной словесности, которое появилось у него въ зрѣлые годы.

«Запорожская Старина», сдѣлавъ имя И. И. извѣстнымъ въ Украинѣ, обратила вниманіе на молодого писателя и въ столицахъ; у него завязались сношенія съ учеными Москвы и Петербурга (И. М. Снегиревымъ, В. Г. Анастасевичемъ и др.), статьи его начали печататься въ «Сынѣ Отечества», «Сѣверной Пчелѣ», «Телескопѣ», «Московскомъ Наблюдателѣ», «Ученыхъ Запискахъ московскаго университета», затѣмъ въ «Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія».

Научные интересы и занятія этнографіей сблизили И. И. съ новымъ кругомъ лицъ, болѣе глубоко смотрѣвшихъ на эти занятія, чѣмъ первые его товарищи и помощники; онъ близко сошелся съ А. Л. Метлинскимъ—украинофиломъ-идеалистомъ, съ раннихъ лѣтъ посвятившимъ себя изученію поэтической старины своей родины,—съ В. В. Пассекомъ, особенно благодаря изданію послѣдняго «Очерки Россіи», въ которомъ И. И. принялъ видное участіе; при посредствѣ Метлинскаго съ И. И. сблизился Костомаровъ, подъ вліяніемъ его развившій въ себѣ, какъ онъ самъ пишетъ, «стремленіе къ изученію малорусской народности» и при его помощи начавшій изучать малорусскій языкъ и этнографію. Въ тѣ же годы И. И. вошелъ въ сношенія съ Н. В. Гоголемъ, Г. Ѳ. Квиткой, В. Н. Каразинымъ, И. П. Котляревскимъ, Л. И. Боровиковскимъ и многими другими.

Изъ ряда работъ И. И. по украинской старинѣ и литературѣ особаго вниманія заслуживаетъ его статья-письмо къ И. М. Снегиреву—«Взглядъ на памятники украинской народной словесности» (1834); она интересна, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что въ ней авторъ высказываетъ свое мнѣніе о языкѣ малорусскомъ въ связи съ великорусскимъ; въ тѣ годы онъ признавалъ его самостоятельнымъ языкомъ, «однимъ изъ богатѣйшихъ языковъ славянскихъ», имѣющимъ полное право на литературное существованіе; этотъ взглядъ впослѣдствіи значительно измѣнился: въ 1860-хъ гг. въ отзывѣ объ исполненномъ Морачевскимъ переводѣ евангелія на малорусскій языкъ, при признаніи русской словесности достояніемъ всего русскаго народа (а не великороссовъ только), онъ еще высказываетъ рѣшительное убѣжденіе въ правѣ и необходимости существованія

отдѣльной малорусской словесности и говоритъ, что будущее ея «полно надеждъ»; но въ лекціяхъ 1870-хъ гг. отношеніе малорусскаго нарѣчія къ русскому языку уже приравнено къ отношеніямъ мѣстныхъ говоровъ въ литературахъ другихъ европейскихъ языковъ къ языку господствующему: «нѣтъ никакой нужды», читаемъ тамъ, «уничтожать или прекращать письменность этихъ нарѣчій, но нѣтъ необходимости дѣлать эту письменность самостоятельной, отдѣльной литературой, принадлежащей какъ бы отдѣльному народу».

Для полноты изображенія трудовъ И. И. по изученію Украины слѣдуетъ упомянуть, что наряду съ изслѣдованіями по малорусской народной словесности и изданіемъ ея памятниковъ онъ тогда же приступилъ и къ изданію литературныхъ произведеній современныхъ ему малорусскихъ писателей, начавъ печатаніе «Украинскаго сборника», въ которомъ помѣстилъ «Наталку-Полтавку» и «Москаля-Чаривника» И. П. Котляревскаго, въ дальнѣйшихъ книжкахъ предположивъ дать выборъ стихотвореній Артемовскаго-Гулака, Боровиковскаго, Гребенки, Шпигоцкаго, Падурры, Корженевскаго и др., сочиненія Сковороды и пр. Наконецъ, нельзя не упомянуть еще объ одномъ трудѣ его по изученію Малороссіи, стоящемъ особнякомъ въ ряду другихъ,—это «Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія слободской Украины со времени ея заселенія до преобразованія ея въ Харьковскую губернію»; интересно отмѣтить, что вышедшее въ свѣтъ въ 1839 г., въ 1883 г. оно было вновь перепечатано въ «Статистическомъ Листкѣ, изд. харьковскимъ статистическимъ комитетомъ», и именно въ цѣляхъ практическихъ, — настолько оно не утратило своего значенія.

Послѣ окончанія университетскаго курса И. И. поступилъ на службу въ харьковское дворянское депутатское собраніе, откуда по болѣзни былъ уволенъ въ 1832 г.; черезъ годъ (18 сент. 1833 г.) онъ вновь зачислился на службу сначала въ харьковскій совѣстный судъ, затѣмъ въ 1834 г. въ депутатское собраніе на должность библіотекаря харьковской городской библіотеки. Плодомъ библіотечныхъ занятій И. И. былъ изданный имъ «Систематическій указатель книгъ и рукописей, находящихся въ харьковской публичной библіотекѣ, № 1» (Харьковъ, 1834, безъ фамиліи составителя). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ все время занимался преподава-

ніемъ русскаго языка и словесности, исторіи и географіи въ частныхъ училищахъ и въ семействахъ. Не прерывая и юридическихъ занятій, онъ приготовлялся мало-по-малу къ магистерству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ профессурѣ — давней завѣтной его мечтѣ. Въ сентябрѣ 1835 г. онъ сдалъ экзаменъ на степень магистра политической исторіи, статистики и политической экономіи; диссертація на назначенную факультетомъ тему «О сущности и содержаніи теоріи въ наукахъ политическихъ» была представлена въ факультетъ въ началѣ 1836 года и въ апрѣлѣ 1837 г. одобрена къ защитѣ. Защита состоялась 16 іюля 1837 г., утвержденіе въ званіи магистра со стороны министра послѣдовало 27 августа, и 9 сентября И. И. былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ харьковскаго университета по каѳедрѣ политической экономіи и статистики.

Какъ видно изъ «Обозрѣнія публичнаго преподаванія наукъ въ харьковскомъ университетѣ», И. И. читалъ студентамъ 1-го курса 1-го отд. философскаго факультета теорію статистики съ приложеніемъ къ государствамъ европейской системы просвѣщенія по методу проф. кенигсбергскаго университета Шуберта, «придерживаясь, впрочемъ, своей собственной системы, изложенной въ разсужденіи о сущности и содержаніи теоріи политической»; на 2-мъ курсѣ — «статистику россійскаго государства, принимая въ руководство соч. Иванова и Шуберта и дополняя собственными своими изслѣдованіями». Записокъ лекцій И. И. по статистикѣ не сохранилось, за исключеніемъ обработаннаго къ печати и изданнаго въ 1838 г. въ «Журналѣ мин. нар. просвѣщенія» его «Вступительнаго чтенія въ курсъ статистики государствъ европейской системы просвѣщенія въ ихъ современномъ состояніи» и оставшагося въ рукописи «Компендіума статистическаго описанія Россійскаго государства въ современномъ состояніи».

Судя по разсказамъ слушателей, лекціи И. И. рѣзко отличались отъ лекцій другихъ профессоровъ; лекторъ блисталъ въ нихъ и новизною взглядовъ, и богатствомъ данныхъ, черпаемыхъ изъ иностранныхъ сочиненій, и мастерствомъ и живостью изложенія; аудиторія его была полна, о чтеніяхъ говорили въ городѣ. Но этотъ успѣхъ имѣлъ и невыгодную сторону для И. И. въ томъ отношеніи, что, повидимому, явился одной изъ причинъ недоброжелательства къ нему со стороны многихъ изъ старшихъ

его товарищей; особенно сильно это недоброжелательство проявилось при сужденіи о его диссертаціи «Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики и политической экономіи сравнительно», представленной имъ въ 1838 г. для соисканія докторской степени.

Основная мысль «Опыта» была высказана въ двухъ положеніяхъ эпиграфа къ нему: 1) «Статистика, имѣя предметомъ цѣлое государство, должна сдѣлаться средоточіемъ и основаніемъ прочихъ политическихъ наукъ, изъ которыхъ каждая объемлетъ не болѣе одной части» (К. Германъ) и 2) «Политическая экономія зависитъ отъ статистики такъ, что даже могла бы не существовать какъ отдѣльная наука: статистика могла бы замѣнить ее безъ ущерба пользѣ наукъ и вмѣстѣ съ тѣмъ освободить міръ познаній отъ суесловныхъ и часто суемудрыхъ мечтаній» (авторъ). Для сужденія о диссертаціи были собраны члены юридическаго факультета и 1-го отд. философскаго; въ пользу автора высказались только два наиболѣе почтенные профессора—Лунинъ и Валицкій, другіе или уклонились отъ выраженія своего мнѣнія, или высказались противъ; мысли, проводимыя диссертаціей, казались слишкомъ новыми, не согласными съ обычными, «насмѣшкою надъ наукою»; диссертація была отвергнута. Событію этому пришлось сыграть рѣшительную роль въ судьбѣ И. И.

По университетскому уставу 1835 г. въ число университетскихъ курсовъ былъ введенъ новый предметъ — исторія и литература славянскихъ нарѣчій. Ввиду отсутствія лицъ достаточно подготовленныхъ къ преподаванію этой науки, каѳедра эта пустовала до тѣхъ поръ пока не рѣшено было предложить четыремъ тогда существовавшимъ русскимъ университетамъ избрать изъ среды ихъ членовъ лицъ наиболѣе способныхъ для изученія новой науки съ тѣмъ, чтобы избранныхъ отправить въ заграничное путешествіе по славянскимъ землямъ. Въ харьковскій университетъ предложеніе объ избраніи лицъ для посылки за-границу пришло въ октябрѣ 1837 года. Разсмотрѣніе этого плана въ университетѣ и обсужденіе вопроса, кто можетъ быть посланъ за границу, было поручено извѣстному П. П. Гулаку-Артемовскому. Выборъ факультета по указанію его остановился на кандидатѣ словесныхъ наукъ А. П. Рославскомъ-Петровскомъ. Лично мало склонный къ занятію предлагаемой каѳедры, преимущественно интересовавшійся науками историческими,

Рославскій представилъ въ совѣтъ университета условія командировки, трудно пріемлемыя въ другое время; въ данную минуту они не возбудили сомнѣній, и совѣтъ университета его избралъ. Рѣшеніе это, однако, не получило утвержденія со стороны попечителя харьковскаго учебнаго округа гр. Ю. А. Головкина. Человѣкъ образованный, интересовавшійся наукой и ея движеніемъ, онъ не пропустилъ зародившейся въ то время въ Харьковѣ дѣятельности И. И. Срезневскаго, только что ставшаго адъюнктомъ университета, уже извѣстнаго своей «Запорожской Старинѣ» и длиннымъ рядомъ другихъ статей. Выборъ совѣта университета не могъ не удивить его: въ этомъ выборѣ нельзя было не видѣть какихъ-то личныхъ счетовъ. Съ своей стороны онъ предложилъ послать за-границу Срезневскаго, который, какъ онъ писалъ, «постоянно и съ успѣхомъ занимался уже изслѣдованіемъ и изученіемъ нѣкоторыхъ языковъ, составляющихъ отрасли славянскаго»; Рославскому же онъ рекомендовалъ дать возможность «выдержать испытаніе на степень магистра по предмету историческихъ наукъ, что составляло и его собственное желаніе, съ тѣмъ, чтобы потомъ онъ занялъ мѣсто Срезневскаго».

Въ декабрѣ 1837 г. отъ имени совѣта университета И. И. былъ сдѣланъ запросъ относительно согласія его отправиться въ путешествіе въ славянскія земли для приготовленія къ каѳедрѣ славяновѣдѣнія, съ условіемъ по возвращеніи прослужить въ званіи преподавателя не менѣе 12 лѣтъ. Издавна уже знакомый съ языками польскимъ, словацкимъ, чешскимъ и сербскимъ, интересуясь западно-славянской литературой, еще въ 1832 г. со словъ словаковъ-ходебщиковъ записавшій и издавшій ихъ пѣсни, писавшій статьи о Краледворской рукописи, о чешскомъ словарѣ Юнгмана, объ уменьшительныхъ словахъ въ славянскихъ языкахъ,—И. И. съ большой радостью принялъ предложеніе университета; вскорѣ, впрочемъ, повидимому, въ связи съ работой надъ докторской диссертаціей, въ немъ возникли было сомнѣнія и колебанія; этимъ колебаніямъ положило конецъ оскорбительное для него отверженіе университетомъ его диссертаціи. 7 янв. 1839 г. И. И. доложилъ университету о полномъ своемъ согласіи отправиться въ путешествіе въ славянскія земли, подчинившись всѣмъ поставленнымъ ему условіямъ, и въ сентябрѣ этого года отправился въ путь.

Отъѣздомъ изъ Харькова закончился первый періодъ литературно-научной дѣятельности И. И., время первыхъ литературныхъ опытовъ, юношескихъ увлеченій работами по исторіи и народной словесности Украины, занятій статистикой, первыхъ чтеній въ университетѣ, первыхъ научныхъ трудовъ. Харьковскій періодъ своимъ особымъ характеромъ работъ и научныхъ интересовъ И. И. рѣзко отличается отъ его послѣдующей петербургской дѣятельности. Гранью между этими двумя періодами легло его путешествіе, оказавшее рѣшительное вліяніе на его взгляды научные и житейскіе; три года его профессуры въ харьковскомъ университетѣ по возвращеніи изъ путешествія до переѣзда въ Петербургъ по характеру своему могутъ быть отнесены уже къ новому періоду его ученой дѣятельности.

Общій планъ путешествія лицъ, избранныхъ русскими университетами для подготовленія къ занятію каѳедръ славяновѣдѣнія, былъ выработанъ въ московскомъ университетѣ; для путешествія И. И. онъ былъ нѣсколько переработанъ въ харьковскомъ университетѣ П. П. Гулакомъ-Артемовскимъ, которымъ, совмѣстно съ Валицкимъ, кромѣ того была составлена и инструкція для путешественника. Помимо внимательнаго изученія «діалектическихъ свойствъ, отличающихъ языкъ или нарѣчіе» одной страны отъ другой, «смысла и духа» народныхъ пѣсенъ, «мелодій ихъ напѣва», помимо записыванія преданій и сказокъ, инструкція эта указывала путешественнику систематическое подробное изученіе страны, населенной даннымъ племенемъ, ознакомленіе съ ея географіей, климатомъ, природою, совѣтовала обратить вниманіе на степень цивилизаціи ея обитателей, на развитіе промышленности и пр. Единственнымъ способомъ выполнить эти задачи для путешественника были пѣшеходныя экскурсіи. «Лѣтнее время года», говорится въ инструкціи, «онъ долженъ проводить въ путешествіи по замѣчательнѣйшимъ и наименѣе изслѣдованнымъ странамъ, входить подъ мирную кровлю поселянина, сдружиться съ нимъ душою и бесѣдою и выпытать отъ него все, что только напоминаетъ въ немъ славянина, не оставляя безъ замѣчанія и чуждаго вліянія, которое стерло въ немъ черты его народнаго первообраза»; зимнее время рекомендовалось проводить въ городахъ, «пребываніе въ которыхъ могло бы быть для него поучительно: тамъ съ помощью библіотекъ, богатыхъ

собраній, въ бесѣдѣ съ учеными мужами онъ повѣритъ свои наблюденія, на досугѣ приведетъ въ порядокъ и систему собранные имъ матеріалы».

Какъ ни трудны были задачи, данныя инструкціей, онѣ оказались И. И. подъ силу, благодаря природнымъ дарованіямъ, опытности, пріобрѣтенной въ работахъ по украинской этнографіи, и сохранившемуся до послѣднихъ лѣтъ его жизни умѣнію легко и попросту сходиться со всякимъ, безъ различія его общественнаго положенія.

Путешествіе И. И. длилось три года: 17-го сентября 1839 г. онъ выѣхалъ изъ Харькова, 23-го сентября 1842 года—вернулся. Путь его за границу лежалъ черезъ Москву и Петербургъ, частью по необходимости служебной, частью для научныхъ занятій и подготовительныхъ работъ къ путешествію. Первую зиму за границей И. И. провелъ въ Берлинѣ, гдѣ подъ руководствомъ Боппа занимался санскритскимъ языкомъ, и въ Прагѣ, гдѣ основался надолго, изучая чешскій языкъ у Шумавскаго, другіе славянскіе языки подъ руководствомъ Челяковскаго, пользуясь совѣтами и указаніями Шафарика и Ганки, работая въ музеѣ и постепенно подготовляясь къ будущимъ пѣшеходнымъ странствованіямъ. Въ маѣ мѣсяцѣ начались они нѣсколькими небольшими путешествіями по Чехіи изъ Праги, потомъ уже изъ Вѣны по Моравіи; отсюда И. И. двинулся на сѣверъ въ Вратиславь (Бреславль), гдѣ дружески сошелся съ чешскимъ патріотомъ, профессоромъ-физіологомъ Пуркиней; изъ Вратислави онъ дѣлалъ экскурсіи для изученія нарѣчія слезаковъ, въ самой Вратислави работалъ въ библіотекѣ и изучалъ дольне-лужицкое нарѣчіе. Въ августѣ направился въ горно-лужицкія земли, въ Сгорѣлецъ (Гёрлицъ), гдѣ сблизился съ лужичанами-патріотами — Смоляромъ, при помощи котораго сталъ изучать горно-лужицкое нарѣчіе, Гауптомъ и др.; затѣмъ отправился въ Будишинъ (Бауценъ), отсюда въ Дольнія Лужицы и наконецъ поздней осенью добрался до Дрездена. Зимою 1840 — 1841 гг. онъ опять былъ въ Прагѣ, гдѣ закрѣпилъ свою дружбу съ Прейсомъ, потомъ въ Вѣнѣ; здѣсь онъ готовился къ путешествію въ южно-славянскія земли и работалъ надъ сербскимъ и хорватскимъ языками подъ руководствомъ Караджича. Къ веснѣ И. И. отправился въ путь— въ Штирію, Загребъ, гдѣ свелъ знакомство съ Людевитомъ Гаемъ, сдру-

5148
II

жился и побратался съ Станькомъ Вразомъ, сдѣлавшимся его спутникомъ въ путешествіи по Краинѣ, сошелся со многими другими патріотами-хорватами, дѣятелями иллирскаго возрожденія. Изъ Краины, уже безъ Враза, И. И. отправился въ Хорутанію, Резію, Горицу, въ Тріестъ и далѣе, вмѣстѣ съ П. И. Прейсомъ, въ Далмацію, Черногорію и обратно въ Загребъ, гдѣ на этотъ разъ познакомился съ Колларомъ, посѣтившимъ Загребъ по пути въ Италію. Отсюда, осенью 1841 г., въ одиночку онъ поѣхалъ въ Славонію и Сербію и къ зимѣ черезъ Пештъ вернулся въ Вѣну. Весной 1842 г. И. И. посѣтилъ хорватовъ, живущихъ въ Венгріи, и словаковъ; въ Бретиславѣ (Пресбургѣ) онъ сошелся съ К. Штуромъ, въ Тернавѣ съ знаменитымъ Яномъ Голымъ; послѣ путешествія по Венгріи въ іюлѣ И. И. направился въ Галичину, Краковъ, Вратиславь, Познань, Варшаву и черезъ Кіевъ въ Харьковъ.

Время путешествія И. И. было эпохой широкаго развитія на славянскомъ западѣ идей панславизма; путешествіе его было радостно привѣтствуемо: въ И. И. видѣли не только ученаго, преслѣдовавшаго научныя цѣли, но и представителя великаго русскаго племени, гражданина русской имперіи, которая, рисуясь въ то время въ глазахъ западныхъ собратій въ ореолѣ славы, казалась единственной силой, могущей объединить все славянство въ одно нераздѣльное цѣлое. Срезневскаго встрѣчали и провожали съ объятіями, какъ друга и брата, о его ожидаемомъ проѣздѣ писали въ газетахъ, его дѣятельности старались придать современную, иногда политическую окраску. И какъ ни чуждъ былъ «политики» самъ И. И., онъ невольно поддавался вліянію окружающаго общества; считая обязанностью государственной власти уважать народность и охранять духовную самостоятельность каждаго подчиненнаго ей племени и вслѣдъ за тѣмъ своими глазами увидавъ жестокое угнетеніе славянъ и невзгоды, рушащіяся на нихъ со стороны нѣмцевъ и мадьяръ, онъ проникся ненавистью къ господствующимъ племенамъ; на ряду съ серьезной научной работой надъ языкомъ, древностями, литературой, народной словесностью и этнографіей, въ немъ бился живой интересъ къ современной текущей жизни славянъ; этотъ интересъ, это сочувствіе къ славянамъ, открытость души его къ нимъ, все привлекало ихъ къ нему и сближало его со всѣми. Живыя впечатлѣнія его путешествія ярко выра-

жаются въ его путевыхъ письмахъ къ матери, полныхъ жизни, сверкающихъ талантомъ и наблюдательностью. Сохранившіяся въ его бумагахъ записи славянскихъ дѣятелей являются яснымъ выраженіемъ мыслей, которыя волновали всѣхъ и были тѣмъ цементомъ, который скрѣплялъ ихъ связь съ молодымъ путешественникомъ.

Изъ заграничнаго путешествія И. И. вывезъ массу самыхъ разнообразныхъ литературно-научныхъ матеріаловъ; многіе изъ нихъ обработаны, но многіе лежатъ донынѣ въ его архивѣ почти не использованными: записи пѣсенъ, разговоровъ, словари, описанія обычаевъ, одеждъ, собственноручные рисунки нарядовъ и типовъ, отдѣльныхъ предметовъ обихода и пр. Въ высшей степени цѣнные его отчеты о путешествіи министру народнаго просвѣщенія были напечатаны въ свое время въ «Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія», извлеченія изъ путевыхъ писемъ къ Ганкѣ—тоже въ тѣ годы въ «Часописѣ Чешскаго музея» по чешски (въ переводѣ), въ 1907 году въ русскомъ оригиналѣ въ изданіи переписки Ганки (В. А. Францева).

Въ октябрѣ 1842 года одушевленной лекціей, посвященной вопросу о необходимости изученія славянства въ Россіи, И. И. началъ въ Харьковскомъ университетѣ свои чтенія по исторіи и литературѣ славянскихъ нарѣчій (напечатана въ 1893 году въ «Журналѣ Мин. народн. просв.»). Вступительный курсъ по программѣ, которую онъ обдумалъ и составилъ еще во время путешествія, заключалъ въ себѣ введеніе въ изученіе славянства и церковно-славянскій языкъ; слѣдующій курсъ обнималъ собою разсмотрѣніе главныхъ славянскихъ нарѣчій одного за другимъ въ отношеніи къ ихъ политическимъ судьбамъ, образованности, народной словесности и литературѣ, съ чтеніемъ образцовъ; заключительный курсъ былъ посвященъ объяснительному чтенію древнихъ памятниковъ русскаго языка. Программа И. И. была обширна, для выполненія ея не хватало времени, подробно читать оказывалось возможнымъ только какую-нибудь часть курса, все же остальное болѣе или менѣе кратко, съ указаніями на источники для самостоятельныхъ работъ студентовъ.

Успѣхъ лекцій И. И. былъ громадный: «новость предмета», по словамъ Де-Пуле, «бойкость изложенія, то восторженнаго и приправленнаго цитатами изъ Коллара, Пушкина и Мицкевича, то строго критическаго, не

лишеннаго юмора и иронiи,—все это дѣйствовало на учащуюся молодежь самымъ возбуждающимъ образомъ, все это было такъ своеобычно и еще ни разу не случалось, какъ гласило преданiе, на университетской каѳедрѣ».

Свой вступительный курсъ (именно введенiе въ изученiе славянства) И. И. предполагалъ издать тогда же съ приложенiемъ образцовъ славянскихъ нарѣчiй, «какъ выборъ не столько лучшаго, сколько любопытнѣйшаго изъ того, что можетъ представить каждое нарѣчiе въ письменной литературѣ и въ народной словесности»; въ этомъ изданiи, какъ писалъ онъ Ганкѣ, онъ хотѣлъ подробно характеризовать нарѣчiя и въ топографико-историческомъ порядкѣ представить рядъ отрывковъ на всѣхъ нарѣчiяхъ съ объясненiями.

Помимо лекцiй и подготовительныхъ работъ къ изданiю образцовъ славянскихъ нарѣчiй, И. И. въ то же время дѣятельно трудился надъ разработкой собранныхъ имъ во время путешествiя матерiаловъ. Къ этой порѣ относятся его статьи: «Публичныя чтенiя о славянахъ» (1843 г.), «Жумборскiе Ускоки» (1843 г.), «Историческiй очеркъ сербо-лужицкой литературы» (1844 г.), «Фрiульскiе славяне» (1844 г.), цѣнная, въ свое время единственная работа по славянской дiалектологiи «Обозрѣнiе главныхъ чертъ сродства звуковъ въ нарѣчiяхъ славянскихъ» (1845 г.), «Очеркъ книгопечатанiя въ Болгарiи» (1846 г.), рядъ критико-библiографическихъ замѣтокъ, между прочимъ обширная статья о сочиненiи Шафарика «Slowanský Národopis» (1843 г., перепечатанная въ 1890 г. въ «Живой Старинѣ»). Тогда же онъ выступилъ съ рядомъ статей, посвященныхъ изученiю древнихъ вѣрованiй славянъ,—«Объ обожанiи солнца у древнихъ славянъ» (1845 г.), «Архитектура храмовъ языческихъ славянъ» (1846 г.), и съ обширнымъ изслѣдованiемъ, диссертацiей на степень доктора, «Святилища и обряды языческаго богослуженiя древнихъ славянъ по свидѣтельствамъ современнымъ и преданiямъ» (1846 г.). Въ тѣ же годы постепенно начинаютъ заинтересовывать И. И. и работы надъ древнимъ русскимъ языкомъ, именно работы (какъ видимъ изъ писемъ къ Ганкѣ) надъ «Старорусской грамматикой» и «Историческимъ лексикономъ старорусскаго языка»—прообразомъ того первостепенной важности труда, изданiе котораго завершилось только недавно—болѣе, чѣмъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти И. И. Срезневскаго.

1844 годъ былъ для И. И. одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ: въ этомъ году 12 ноября онъ вступилъ въ бракъ съ 19-тилѣтнею дочерью учителя математики харьковской гимназіи Ѳедора Леонтьевича Тюрина, Екатериной Ѳедоровной (р. 1825 г.). Это былъ счастливый бракъ, не смотря на большую разницу въ лѣтахъ и жизненномъ опытѣ женившихся. Благодаря своимъ рѣдкимъ, высокимъ душевнымъ качествамъ, Екатерина Ѳедоровна сразу съумѣла стать другомъ, помощницей и опорой своего мужа. Всегда принимая дѣятельное и живое участіе въ его работахъ, вникая въ его жизненные и научные интересы, она посвятила себя заботѣ о томъ, чтобы сдѣлать болѣе легкой и свѣтлой его трудовую жизнь. Екатерина Ѳедоровна на много лѣтъ пережила своего мужа, скончавшись въ глубокой старости на другой день послѣ столѣтней годовщины дня его рожденія (2 іюня 1912 г.).

Защитой труда «Святилища и обряды языческаго богослуженія славянъ», имѣвшей мѣсто 3-го декабря 1846 г., И. И. пріобрѣлъ (первый въ Россіи) степень доктора славяно-русской филологіи. Вскорѣ послѣ диспута онъ получилъ командировку въ Петербургъ. Научные интересы его, такъ расширившіеся со времени путешествія, уже не находили въ Харьковѣ достаточно матеріаловъ. «Средствъ для должнаго усовершенствованія себя въ наукѣ (какъ писалъ онъ Ганкѣ), пособій, не только рукописныхъ и старопечатныхъ, но даже и новыхъ печатныхъ» не было почти никакихъ; «ни одного труда (читаемъ тамъ же) не могу окончить удовлетворительно...». Эта бѣдность Харькова научными пособіями еще въ августѣ 1846 года побудила И. И. начать хлопоты о переводѣ въ петербургскій университетъ, лишившійся въ маѣ 1846 года П. И. Прейса. Къ моменту отъѣзда И. И. окончательное рѣшеніе о переводѣ еще не состоялось, и по приказанію министра онъ былъ откомандированъ безъ обозначенія цѣли; ни самъ И. И., ни его харьковское начальство и сослуживцы не думали, что онъ оставляетъ Харьковъ навсегда; онъ предполагалъ провести нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ для изученія памятниковъ древне-русскаго и славянскаго языковъ — рукописныхъ сокровищъ петербургскихъ библіотекъ; какъ писалъ онъ Ганкѣ, изъ-за его отъѣзда харьковскій университетъ не только не проиграетъ, но выиграетъ, потому что по возвращеніи его въ Харьковъ найдетъ въ немъ «профессора не-

Портретъ Е. Ѳ. Срезневской

1853 г.

сравненно болѣе опытнаго». Такъ думалъ И. И. и въ первые годы петербургской жизни. Но судьба рѣшила иначе: переѣхавъ въ январѣ 1847 г. въ Петербургъ, онъ тамъ остался до самой смерти, послѣдовавшей въ ночь съ 8 на 9 февраля 1880 года.

И. И. былъ допущенъ къ чтенію лекцій въ петербургскомъ университетѣ 27-го января 1847 года и 28-го числа прочелъ свою первую лекцію «О пользѣ изученія славянской филологіи» съ вступленіемъ о жизни и заслугахъ Прейса, «умнѣйшаго и образованнѣйшаго изъ славянскихъ филологовъ новаго поколѣнія», какъ говорилъ онъ въ лекціи, которому (какъ читаемъ въ другомъ мѣстѣ) онъ считалъ себя обязаннымъ «болѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ въ отношеніи къ изученію филологическихъ задачъ и пріемовъ».

Первоначальная программа чтеній была та же, что и въ харьковскомъ университетѣ, но въ 1848 г. оказалось необходимымъ ее переработать для представленія въ министерство. Это было время страха передъ идеей славянства и гоненія какъ на славянофиловъ, такъ и на всѣхъ лицъ, у которыхъ мелькали общеславянскія мечты и внѣ политики. Въ III Отдѣленіи было рѣшено сообщить министру народнаго просвѣщенія «о предостереженіи цензоровъ, профессоровъ и учителей, чтобы не допускали разсужденій и возгласовъ полуполитическихъ и двусмысленныхъ», было предписано слѣдить за московскими журналами и сборниками и особенно за «Чтеніями Общества исторіи и древностей» и вообще за книгами славянофиловъ, Краевскаго же поощрить печатать статьи, подобныя той, въ которой онъ «опровергаетъ бредни славянофиловъ». Естественно подверглись гоненію и каѳедры славяновѣдѣнія — науки, касающейся всей совокупности славянъ, какъ единаго цѣлаго. Министерству нужно было точно опредѣлить границы этой науки, нужна была исчерпывающая предметъ программа; составленіе ея поручили И. И. Новая программа, по словамъ А. Ѳ. Бычкова, своей точностью и ясностью отстранила отъ славянскихъ каѳедръ грозу, которая была готова разразиться надъ ними.

Цѣлью университетскихъ чтеній, какъ читаемъ въ вступительной лекціи 1850-хъ годовъ, И. И. ставилъ «филологическое знаніе того

племени, къ которому принадлежитъ русскій народъ, племени славянъ»; филологическое знаніе «не значитъ знаніе только языка какъ языка, нѣтъ, — языка, какъ выраженія жизни, — и слѣдовательно не исключительно языка, а вмѣстѣ и всего, въ чемъ выражается жизнь славянъ прошедшая и современная, т. е. быта и образованности славянъ, только преимущественно съ помощью языка». Въ другомъ, болѣе позднемъ, вступительномъ чтеніи въ курсъ (1860-хъ гг.) читаемъ: «... Славянская филологія должна изслѣдовать славянскій языкъ, а вмѣстѣ съ нимъ и народную словесность и письменность славянъ, какъ выраженіе жизнедѣятельности славянъ, какъ источникъ для изученія судебъ славянъ и какъ пособіе для разумѣнія историческихъ фактовъ. Имѣя же въ виду, что славяне въ продолженіе своей исторической жизни принадлежали къ двумъ различнымъ степенямъ образованности — древней языческой и новой христіанской, славянская филологія должна обратить вниманіе на ту и другую въ отношеніи къ славянамъ отдѣльно, т. е. на славянскія языческія древности и на судьбы языка, словесности и письменности и вообще образованности славянъ въ христіанскіе вѣка».

Путь къ достиженію знанія славянской филологіи долженъ быть таковъ: во-первыхъ, разсмотрѣніе главныхъ чертъ славянскаго племени; во-вторыхъ, изученіе древностей славянъ; въ-третьихъ, изученіе судебъ ихъ образованности, языка и литературы, наконецъ въ четвертыхъ древностей русскаго языка (изъ вступительнаго чтенія 1850-хъ гг.). Эти четыре подраздѣленія науки славянской филологіи легли въ основу четырехъ главныхъ курсовъ И. И.: «Введеніе въ славянскую филологію» (иначе «Общее филологическое обозрѣніе славянъ»), «Славянскія древности», «Исторія и литература славянскихъ нарѣчій» и «Древности русскаго языка и словесности»; первоначально (по программѣ 1849 года) послѣдній курсъ носилъ названіе «Чтеніе древнихъ памятниковъ русскихъ»; вскорѣ къ нему было присоединено общее обозрѣніе исторіи русскаго языка, затѣмъ онъ былъ совершенно переработанъ. Къ этимъ четыремъ основнымъ курсамъ было присоединено два добавочныхъ: 1) «Грамматика нарѣчія старославянскаго церковнаго сравнительно съ другими нарѣчіями, преимущественно съ русскимъ, польскимъ, чешскимъ

и сербскимъ» и 2) «Чтеніе замѣчательныхъ памятниковъ западно-славянскихъ нарѣчій, особенно сербскаго, польскаго и чешскаго».

«Общее филологическое обозрѣніе славянъ» по программѣ 1849 г. заключало въ себѣ: 1) вступительную часть — о славянскомъ племени и народахъ, его составляющихъ, — въ которой, кромѣ общаго этнографическаго обзора славянскаго племени (съ разсмотрѣніемъ вопроса о границахъ его въ древности и теперь), историческаго обзора славянъ въ отношеніи къ общественному быту, къ религіи и образованности (съ современными статистическими данными), было представлено «общее обозрѣніе содержанія и успѣховъ славянской филологіи, какъ науки вообще и въ примѣненіи къ нашимъ ученымъ нуждамъ»; 2) разсмотрѣніе основныхъ чертъ славянскаго языка, заключавшее въ себѣ общій взглядъ на славянскій языкъ и на его видоизмѣненія сравнительно съ другими индоевропейскими языками, фонетику его, обозрѣніе корней, формъ образованія словъ, формъ словоизмѣненія, синтаксиса; 3) характеристику славянскихъ нарѣчій (перечень ихъ «съ разборомъ мнѣній относительно отдѣленія однихъ нарѣчій отъ другихъ и систематическаго ихъ распредѣленія») и разсмотрѣніе каждаго отдѣльно по тремъ группамъ: юго-западныя, — старославянское церковное, болгарское, сербское съ хорватскимъ, хорутанское; сѣверо-западныя — чешское съ словацкимъ, лужицко-сербскія, балтійскія, польское; восточныя — великорусское съ бѣлорусскимъ и малорусское. Впослѣдствіи этотъ курсъ нѣсколько видоизмѣнился и расширился: въ связи съ желаніемъ знакомить вновь поступающихъ въ университетъ студентовъ съ общими филологическими свѣдѣніями И. И. сталъ излагать имъ обозрѣніе состава, содержанія, главныхъ выводовъ и успѣховъ филологіи вообще; курсъ получилъ названіе — «Энциклопедическое введеніе въ славянскую филологію»; первую часть его занимало «общее обозрѣніе филологіи въ ея современномъ состояніи въ связи съ науками вспомогательными», вторая — «общее филологическое обозрѣніе славянскаго племени» — соотвѣтствовала старому курсу, но въ значительно измѣненномъ видѣ. Курсъ этотъ былъ напечатанъ въ 1870-хъ годахъ по конспективнымъ записямъ слушателей.

Курсъ «Славянскихъ древностей въ филологическомъ отношеніи» (такъ названъ курсъ въ программѣ 1849 года) заключалъ въ себѣ кромѣ

введенія (предметъ, источники и литература) географическое обозрѣніе древнихъ славянъ по сообщеніямъ византійскимъ, арабскимъ, западноевропейскимъ и русскимъ и обозрѣніе быта и образованности отдѣльныхъ группъ славянскихъ племенъ — юго-западныхъ славянъ, чеховъ и словаковъ, балтійскихъ, польскихъ и русскихъ (до X вѣка); въ каждой группѣ отдѣльно разбирались вопросы — образъ жизни, край и народъ, переселенія, осѣдлости, пути сообщенія, промыслы и торговля, земледѣліе и ремесла, войско и вооруженіе; затѣмъ устройство семейное и общественное, законы и судъ, сословія, княжескіе роды, рабы; затѣмъ религія — языческія вѣрованія и обряды, введеніе христіанства, славянское богослуженіе и латинскіе обряды. Курсъ «Славянскихъ древностей» сохранился въ литографированныхъ запискахъ слушателей 1860-хъ гг., повидимому, въ сокращенномъ изложеніи.

Третій курсъ И. И. — «Исторія и литература славянскихъ нарѣчій» распадался на восемь отдѣленій; изъ нихъ въ первомъ, вводномъ, сообщались общія понятія «объ исторіи языка и исторіи словесности, какъ о части исторіи образованности и какъ объ особенномъ цѣломъ», давалось общее историко-филологическое обозрѣніе славянскаго племени, затѣмъ общее обозрѣніе исторіи славянскаго языка и литературы, обзоръ успѣховъ образованности славянъ, очеркъ исторіи славянскаго языка (три части: главныя черты славянскаго языка, ходъ его постепеннаго измѣненія по пути превращеній и мѣстныхъ видоизмѣненій въ народѣ и письменности, вліяніе иноплеменныхъ языковъ на его измѣненія въ отношеніи къ строю и составу въ народѣ и письменности), далѣе — характеристика народной словесности и характеристика книжной литературы. Въ слѣдующихъ семи отдѣленіяхъ курса разбиралась исторія и литература славянскихъ нарѣчій, каждаго самостоятельно: старославянскаго, болгарскаго, сербскаго и хорватскаго, хорутанскаго, чешскаго и словацкаго, сербо-лужицкихъ и балтійскихъ и польскаго; каждый изъ этихъ отдѣловъ заключалъ въ себѣ (съ различными видоизмѣненіями) историческій очеркъ образованности народа, употреблявшаго то или другое нарѣчіе, исторію нарѣчія, обзоръ народной словесности и письменной литературы до новаго времени. Впослѣдствіи курсъ исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій былъ раздѣленъ Срезневскимъ съ В. И. Ламан-

скимъ: И. И. взялъ на себя исторію языка, В. И. Ламанскій исторію литературы. Курсъ исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій въ бумагахъ И. И. сохранился въ довольно полномъ видѣ, частью въ подлинной рукописи, частью въ копіяхъ; курсъ исторіи славянскаго языка и его нарѣчій былъ литографированъ слушателями въ 1870-хъ годахъ и сохранился съ переправками послѣдняго времени.

Четвертый курсъ И. И. Срезневскаго первоначально былъ посвященъ чтенію древнихъ памятниковъ русской письменности. При объясненіи ихъ, говорится въ программѣ 1849 года, «примѣняются, насколько нужно, западныя славянскія нарѣчія и отмѣчаются главные факты исторіи древняго русскаго языка». Вскорѣ къ этому присоединилось общее обозрѣніе исторіи русскаго языка. Курсъ былъ расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ; начинался вступленіемъ (впослѣдствіи переработаннымъ въ статью «Древнія русскія книги»), затѣмъ шло обозрѣніе древнѣйшей лѣтописи, договоровъ съ греками, лѣтописныхъ сказаній болѣе поздняго времени, сочиненій Луки Жидяты, Иларіона, Іакова мниха, церковныхъ уставовъ и прочихъ памятниковъ до середины XI вѣка. Уже въ 1850 годахъ (сохранились программы 1856—1858 гг.) курсъ этотъ превратился въ курсъ «Русскихъ древностей» (или «Древностей русскаго языка»), принявъ совершенно иную редакцію. Вступительная часть его заключала въ себѣ, послѣ общаго обзора содержанія предмета и литературы его, — палеографическое обозрѣніе памятниковъ древней русской письменности съ XI по XIV вѣкъ съ разсмотрѣніемъ ихъ списковъ, и обозрѣніе формъ древняго русскаго языка (здѣсь обращалось вниманіе на факты переходнаго состоянія языка по памятникамъ XIV вѣка и разбирался лексическій составъ русскаго языка). Вторая часть курса заключалась въ разсмотрѣніи памятниковъ по содержанію, съ раздѣленіемъ на два разряда — 1) духовная письменность и 2) историческая письменность; первый разрядъ подраздѣлялся на книги богослужебныя, книги св. писанія и догматовъ вѣры, объяснительно-богословскія и поучительныя сочиненія — переводныя и русскія, съ именами и безыменныя (большое вниманіе было удѣлено поученіямъ противъ бѣсовскихъ игръ и пѣсенъ и противъ кумиослуженія); второй разрядъ раздѣлялся на двѣ части: 1) переводныя сочиненія — палея, хронографъ, житія святыхъ,

апокрифы, повѣсти, и 2) русскія—лѣтописи (съ пересмотромъ главнѣйшихъ данныхъ русской общественной жизни, находимыхъ въ лѣтописяхъ, съ разсмотрѣніемъ главнѣйшихъ видовъ вставныхъ статей въ лѣтописяхъ, собственнаго состава лѣтописи, языка лѣтописей) и отдѣльныя сказанія и повѣсти (сюда входило разсмотрѣніе житій, историческихъ повѣстей, записокъ современниковъ о себѣ, путевыхъ записокъ, поэтическихъ словъ въ сравненіи съ соотвѣтствующими произведеніями скандинавской народной поэзіи). Первоначальная редакція курса «Русскихъ древностей» сохранилась въ почти обработанномъ къ печати видѣ; вторая редакція постепенно перерабатывалась и только нѣкоторыя части ея были болѣе или менѣе закончены, именно въ трудѣ, писанномъ въ послѣдніе мѣсяцы жизни И. И. и оставшемся не завершеннымъ.

Курсъ «Русскихъ древностей» въ концѣ 1860-хъ гг. дополнился необязательнымъ курсомъ славянской палеографіи; одна изъ обработокъ этого курса была напечатана послѣ смерти И. И. подъ заглавіемъ «Славяно-русская палеографія». Но кромѣ этого курса, какъ видно изъ конспектовъ, были и другіе, по всей вѣроятности, никогда не излагавшіеся письменно, а передававшіеся слушателямъ устно. Таковъ курсъ, въ конспектѣ названный «Палеографическое обозрѣніе памятниковъ древней письменности русской до-татарскаго періода». Курсъ дѣлится на три части: 1) Внѣшность рукописей, 2) Подлинники и списки и 3) Рукописи, какъ памятники образованности древней Руси (разряды рукописей, переводчики и сочинители). Первая часть этого курса сохранилась также и въ иномъ планѣ, вѣроятно болѣе раннемъ, и, можетъ быть, предназначавшемся не для лекцій, а для научнаго труда. «Палеографическое обозрѣніе памятниковъ древней письменности русской» (какъ названъ этотъ трудъ), подраздѣляя памятники на три разряда (книги, грамоты и написи), разбираетъ два первые разряда вмѣстѣ, послѣдній отдѣльно. При разсмотрѣніи рукописей изслѣдуются работы по писанію (писцы, матеріалъ, чернило, перо, линевка, почеркъ, нотные знаки, приписки), работы по рисованію (рисовальщики, краски, кисти и перо, заставки, картины) и переплетъ книги или складка грамоты. Въ отдѣлѣ написей разбираются разные виды написей по матеріалу и работѣ и почеркъ буквъ написей сравнительно съ рукописями.

Кромѣ университета И. И. состоялъ профессоромъ Главнаго педагогическаго института по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій съ самаго учрежденія этой каѳедры въ институтѣ въ 1848 году до закрытія института въ 1859 году. Вслѣдствіе особенныхъ цѣлей, преслѣдовавшихся институтомъ, спеціально предназначеннымъ для подготовленія молодыхъ людей къ учительскимъ должностямъ, И. И. пришлось нѣсколько измѣнить университетскую программу и характеръ преподаванія, опустивъ изложеніе древностей быта и увеличивъ количество практическихъ упражненій. Позже, въ 1855 году, программа эта была принята въ руководство министерствомъ народнаго просвѣщенія и напечатана. По ней курсъ славянской филологіи распадался на два главныхъ отдѣла: 1-й подготовительный, общій для всѣхъ студентовъ (1-го и 2-го курсовъ), 2-й чисто филологическій—для студентовъ-филологовъ (3-го и 4-го курсовъ). Въ первый отдѣлъ входило общее филологическое обозрѣніе славянъ (1, о славянскомъ племени и народахъ, его составляющихъ; 2, основныя черты славянскаго языка; 3, филолого-литературное обозрѣніе славянскихъ нарѣчій) и практическій курсъ нарѣчій старославянскаго, сербскаго, польскаго и чешскаго. Во второй отдѣлъ входилъ курсъ древностей славянскаго языка (1, историческія припоминанія о судьбахъ славянъ въ IX—XIV вѣкахъ; 2, обозрѣніе памятниковъ языка; 3, судьбы народнаго языка и народной словесности; 4, судьбы книжнаго языка и литературы) и курсъ новой исторіи славянской литературы (введеніе, литература сербская, чешская и польская).

Собственноручныя записки лекцій И. И. сохранились далеко не всѣ въ полномъ видѣ; старыя записки обыкновенно шли въ дѣло при новыхъ обработкахъ курсовъ, постепенно измѣняясь въ зависимости отъ развитія научныхъ воззрѣній автора, дополнялись или отбрасывались совершенно; поэтому возстановить полные курсы лекцій не легко; какъ бы то ни было, но для исторіи науки славяновѣдѣнія возстановленіе это очень важно, и нужно надѣяться, что когда-нибудь оно и будетъ сдѣлано, хотя бы въ видѣ подробныхъ конспектовъ.

Ведя курсы своихъ лекцій, И. И. всегда ставилъ своею цѣлью пробужденіе въ своихъ слушателяхъ самостоятельности и привлекалъ ихъ къ дѣятельному въ нихъ участію. На это онъ указываетъ въ одной изъ всту-

пительныхъ лекцій: «не только долженъ *я* останавливать ваше вниманіе на томъ что нужно», говоритъ онъ, «но и *вы* должны принимать въ этомъ живое участіе не про себя, а взаимно со мною. Намъ нужны собесѣдованія». Въ другой, заключительной лекціи, онъ говоритъ: «Я хотѣлъ бы представлять на ихъ (слушателей) соображеніе то, что можетъ служить для уясненія и пополненія извѣстнаго и вмѣстѣ пробуждать ихъ самодѣятельную мысль, не водя ихъ на помочахъ, а раскрывая вопросы и данныя, годные для ихъ рѣшенія, и возбуждая ихъ безпристрастную, покойную и честную наблюдательность. Лестно для честолюбія, конечно, имѣть послѣдователей, но вовсе не лестно и не честно останавливать движеніе науки впередъ; а слѣпые послѣдователи только для этого и существуютъ. Я бы хотѣлъ имѣть не послѣдователей, а сотрудниковъ, работающихъ или помогающихъ работать другимъ, не для утвержденія въ себѣ напередъ увѣрованныхъ идей и взглядовъ, а для отысканія истины, какова бы она ни была, не для убиванія науки, а для жизни... Судите меня строго: это и мнѣ будетъ полезно, если только оцѣнка ваша не будетъ для меня тайной; это будетъ полезно и не для одного меня. Пусть каждый изъ насъ будетъ возвышать ученую требовательность въ себѣ и вокругъ себя для пользы общей, — и мы всѣ пойдемъ впередъ, какъ сотрудники въ общемъ дѣлѣ, кто бы чѣмъ ни занимался».

По указанію И. И. студенты составляли отдѣльныя лекціи, иногда даже весь курсъ. Такъ въ 1849—1850 гг. составилъ курсъ исторіи русскаго языка Н. Г. Чернышевскій, въ 1851—1853 годахъ студенты поочередно составляли курсъ исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій, вписывая свои работы постепенно въ одну и ту же тетрадь. Кромѣ того И. И. давалъ имъ постоянно самостоятельныя работы надъ отдѣльными вопросами.

«Въ преподаваніи своей науки», читаемъ въ воспоминаніяхъ одного изъ учениковъ И. И., Л. Н. Майкова, «онъ увлекалъ живостью, ясностью и простотой изложенія, наглядными подробностями и неподдѣльнымъ воодушевленіемъ, которое отъ профессора легко сообщалось и студентамъ; и этотъ интересъ, эта сила впечатлѣнія еще возрастали въ личныхъ съ нимъ сношеніяхъ: онъ умѣлъ пріохотить къ занятіямъ и старался возбуждать въ своихъ слушателяхъ самодѣятельность; его критическая пытли-

вость въ особенности оказывала развивающее вліяніе на тѣхъ, кто пользовался его руководствомъ, и если онъ бывалъ требователенъ въ разсмотрѣніи представляемыхъ ему работъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ и слово поощренія и ободренія для тѣхъ, въ комъ видѣлъ способности и охоту къ научному труду». По словамъ другого ученика И. И., П. И. Аландскаго, «изложеніе его отличалось ясностью, точностью, опредѣленностью, безъ малѣйшаго намека на прикрасы»; «онъ не старался поражать слушателей громадностью фактическихъ данныхъ», и представлялъ имъ «не многія, но точныя данныя науки». Будучи на лекціяхъ гораздо откровеннѣе, чѣмъ въ ученыхъ печатныхъ трудахъ, говоритъ г. Краснопѣвцевъ, онъ нерѣдко сообщалъ слушателямъ и такія научныя мнѣнія, какихъ не высказывалъ въ печати, всегда при этомъ «открещиваясь отъ навязыванія» слушателямъ своихъ взглядовъ, «всегда сообщая и мнѣнія противоположныя». Въ одной изъ многочисленныхъ статей объ И. И., появившихся въ печати послѣ его смерти, вспоминаются «его умныя, полныя творчества бесѣды, въ которыхъ раскрывалъ онъ свои научные взгляды и выводы, особенно въ тѣхъ областяхъ знанія, гдѣ онъ былъ полнымъ хозяиномъ»; «оттого», говорится тамъ, «многіе и готовы были признать себя его учениками, хотя и не были слушателями его лекцій».

Профессорская дѣятельность И. И. въ С.-Петербургскомъ университетѣ продолжалась въ теченіе 33 лѣтъ, съ 1847 по январь 1880 г.; послѣднія лекціи были прочтены имъ дома, такъ какъ онъ уже не могъ ѣздить въ университетъ.

Университетская жизнь слилась съ жизнью самого И. И., сдѣлалась ея неразрывной частью. Помимо научно-учебной дѣятельности, въ университетѣ у него была и иная дѣятельность: до самой смерти онъ состоялъ деканомъ факультета, такимъ образомъ непремѣннымъ членомъ правленія; въ 1861 г., въ одну изъ тяжелыхъ минутъ жизни университета, исправлялъ должность ректора; въ 1862—1863 г. состоялъ членомъ комиссіи по управленію дѣлами университета. Эта сторона дѣятельности, далекая отъ науки, связанная съ обязанностью имѣть дѣло съ ненавистнымъ ему чиновничествомъ, «приказными» (какъ онъ называлъ), «канцелярщиной», много отняла у него силъ и здоровья и значительно способствовала развитію жестокихъ нервныхъ страданій.

Въ засѣданіи Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ 18 дек. 1848 г. И. И. былъ избранъ адъюнктомъ этого отдѣленія. Русское отдѣленіе Академіи не блистало въ то время научными силами; въ немъ былъ собственно только одинъ представитель истинной учености, А. Х. Востоковъ, въ лицѣ котораго И. И. нашелъ себѣ неоцѣнимаго учителя и совѣтника; другіе члены, за исключеніемъ, можетъ быть, П. Г. Буткова и В. А. Полѣнова, къ наукѣ имѣли мало отношенія: это были И. И. Давыдовъ, М. А. Коркуновъ, П. А. Плетневъ, Я. И. Бередниковъ и І. С. Кочетовъ. Труды отдѣленія при вступленіи И. И. были посвящены составленію обще-сравнительной грамматики русскаго языка, разбору матеріаловъ для словаря областныхъ словъ и пополненію изданнаго въ 1847 г. «Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка». И. И. понемногу началъ вносить оживленіе въ унылую дѣятельность Отдѣленія и вскорѣ на многіе годы, до самой своей смерти, сдѣлался его центромъ, главной его научной силой.

Первая идея, которую И. И. началъ проводить въ среду своихъ сочленовъ — это была мысль о необходимости приступить къ изданію періодическаго журнала, посвященнаго исключительно «наукѣ русскаго языка и знаніямъ для него вспомогательнымъ», «которое бы для всякаго образованнаго русскаго облегчало возможность слѣдить за успѣхами русской и вообще славянской филологіи» и содѣйствовало такой дѣятельности. Многихъ усилій стоило И. И. осуществленіе этой мысли, но все-таки, въ концѣ концовъ, онъ достигъ исполненія ея и въ 1852 г. Отдѣленіе приступило къ изданію «Извѣстій»; душою ихъ, единственнымъ и безсмѣннымъ редакторомъ во все время ихъ существованія былъ И. И. «Извѣстія» выходили съ 1852 по 1863 г.; ихъ вышло 10 томовъ. Какъ особыя приложенія къ нимъ, выходили «Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря» (7 том.) и «Памятники и образцы народнаго языка и словесности» (4 тетр.). Въ непосредственной связи съ этимъ изданіемъ находятся начатыя Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности въ 1854 г., также подъ редакціей Срезневскаго, «Ученыя Записки» (прекратившіяся въ 1863 г.).

«Извѣстія» съ своими приложеніями составили замѣчательное явленіе во всей славянской наукѣ; они явились средоточіемъ дѣятельности рус-

скихъ филологовъ, палеографовъ и историковъ литературы и дали массу цѣнныхъ статей по славяновѣдѣнію, языкознанію, литературѣ, палеографіи, обширный подборъ матеріаловъ по народной словесности, рядъ словарей (между прочимъ замѣчательный трудъ Востокова «Словарь церковно-славянскаго языка»), а въ отдѣлѣ «Библіографическія записки»— живую лѣтопись всѣхъ событій литературной и научной жизни русскаго, западнаго и южнаго славянства за обнимаемый ими періодъ времени.

Годы редактированія «Извѣстій» были порой наиболѣе кипучей дѣятельности И. И. въ Академіи; это было время полнаго расцвѣта его силъ. Пересматривая томы «Извѣстій», приходится только удивляться работоспособности и энергіи ихъ редактора; въ обоихъ изданіяхъ Отдѣленія было помѣщено до 80 его изслѣдованій и безъ малаго 600 библіографическихъ замѣтокъ, иногда принимавшихъ размѣры крупныхъ статей. Но тяжело физически и нравственно легла на И. И. эта работа. Оканчивая «Извѣстія» въ 1863 году, онъ писалъ арх. Амфилохію: «Трудиться, какъ трудился, уже не могу: не хватаетъ силъ, и глазъ, и времени.... А между тѣмъ другихъ работъ у меня много:... словарь, палеографія, критическое разсмотрѣніе памятниковъ, исторія языка и т. д. Не хватитъ моей жизни покончить все затѣянное—я это чувствую; тѣмъ не менѣе надо додѣлать хоть что нибудь».

Университетъ и Академія во весь петербургскій періодъ являются двумя главными центрами жизненныхъ и научныхъ интересовъ И. И. Первый, близкій къ дѣйствительной жизни, нерѣдко отвлекалъ его отъ науки къ практической дѣятельности, вторая постепенно глубже и глубже погружала его въ чистую науку, съ теченіемъ времени все болѣе отвлеченную.

Въ основѣ всей научной дѣятельности петербургскаго періода лежали труды филологическіе; имъ, можно сказать, посвящена эта часть жизни И. И., и все, надъ чѣмъ онъ работалъ, къ нимъ велось, ихъ имѣло цѣлью. Первыя его работы по филологіи относятся еще ко времени путешествія по западнымъ славянскимъ землямъ и частью къ болѣе раннимъ годамъ; изъ числа ихъ слѣдуетъ припомнить: «О славянскихъ нарѣчіяхъ» — характеристика хорутанскаго нарѣчія (1841), «Изслѣдованіе

о границахъ славянскихъ нарѣчій» (1843), «Обозрѣніе сродства звуковъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ» (1845).

Съ переѣздомъ въ Петербургъ, открывшимъ И. И. доступъ къ памятникамъ русскаго письма, филологическія разысканія его по преимуществу направились къ историческому изученію русскаго языка. Первымъ результатомъ этихъ работъ былъ замѣчательный трудъ его «Мысли объ исторіи русскаго языка» (изданы были 4 раза: два въ 1849, въ 1850 и 1887 гг.). Первоначально актовая университетская рѣчь, впослѣдствіи «Мысли» были дополнены обширными примѣчаніями и отчасти переработаны. Начавъ собою, какъ говоритъ А. А. Котляревскій, «настоящее строго методическое изученіе исторіи русскаго языка», эта работа можетъ быть названа однимъ изъ главнѣйшихъ этаповъ науки русскаго языкознанія. Въ ней впервые высказывается убѣжденіе въ необходимости историческаго изученія языка въ связи съ исторіей народа, впервые поднимается вопросъ о древности нарѣчій русскихъ и времени ихъ образованія, разбираются особенности древняго русскаго языка въ его постепенныхъ измѣненіяхъ, даются указанія для работъ по подготовленію матеріала для составленія исторіи русскаго языка при посредствѣ подробнаго пересмотра древнихъ памятниковъ, изученія народныхъ нарѣчій и современнаго языка литературы и образованнаго общества. «Ни прежде, ни послѣ этого труда Срезневскаго,—говоритъ Н. В. Волковъ въ статьѣ «Введеніе въ историческое изученіе русскаго языка»,—ни разу не ставилась такъ полно задача русской филологіи и не намѣчались пути ея развитія».

Указавъ въ «Мысляхъ» программу дальнѣйшей работы для созиданія исторіи русскаго языка, И. И. самъ приступилъ къ постепенному ея выполненію путемъ изученія отдѣльныхъ памятниковъ языка, какъ старославянскаго, такъ и древне-русскаго, путемъ подготовительныхъ словарныхъ работъ для общаго историческаго русскаго словаря и собиранія матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка, путемъ изслѣдованій по географіи языка и собиранія памятниковъ народной словесности. Онъ осторожно велъ свои изслѣдованія, не увлекаясь поспѣшными выводами, остерегаясь давать не вполнѣ обоснованныя гипотезы, и свои мнѣнія рѣдко высказывалъ съ рѣшительностью. Но общая идея работъ была ясна

для него. Люди, не понимавшіе, что за частными и мелкими на первый взглядъ вопросами, надъ разрѣшеніемъ которыхъ онъ трудился и которыми подчасъ занималъ своихъ сочленовъ по академіи, скрывается глубокій смыслъ, не уяснявшіе себѣ, что такіе вопросы являются только матеріаломъ для болѣе точнаго и правильнаго рѣшенія вопросовъ общаго значенія,—люди эти смѣялись надъ И. И., скучали въ засѣданіяхъ отъ его «юсовъ», но «мертвый буквоѣдъ» былъ неизмѣримо ихъ выше; это былъ мыслитель съ великими горизонтами и съ ясной вѣрой въ науку, служенію которой посвятилъ свою жизнь.

Непрерывной полосой почти черезъ всю жизнь И. И. идутъ его работы по собиранію лексическихъ матеріаловъ славянскихъ языковъ. Къ работамъ этимъ онъ приступилъ еще до заграничнаго путешествія, начавъ собирать матеріалы для малорусскаго словаря, который и былъ впослѣдствіи составленъ вчернѣ подъ заглавіемъ «Словарь южно-русскаго нарѣчія». Однимъ изъ результатовъ путешествія въ западно-славянскія земли явился словарь нарѣчія горныхъ словаковъ, оставшійся въ рукописи, и нѣсколько мелкихъ словариковъ западно-славянскихъ нарѣчій. По переѣздѣ въ Петербургъ и вступленіи въ Академію И. И. принялъ дѣятельное участіе въ работахъ надъ областнымъ русскимъ словаремъ (редакція котораго была взята на себя А. Х. Востоковымъ); по порученію отдѣленія онъ составилъ его программу и внесъ въ него свое обширное собраніе матеріаловъ по областному языку. Длинный рядъ статей былъ посвященъ имъ вопросу лексикографіи; таковы: обширный разборъ Академическаго словаря 1847 г. (1848), разборъ словарей Рейфа (1851), замѣтка о словарѣ литовскаго языка Нессельмана (1852), «Замѣчанія касательно новаго изданія русскаго словаря» (1853), «Обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей» (1854), записка о словарѣ малорусскаго нарѣчія, сост. А. Аѳанасьевымъ (1854), разборъ церковно-славянскаго словаря Востокова (1857), «Замѣтки по поводу чтенія мнѣній Я. Гримма о словарѣ» (1859), «О французскихъ словаряхъ по поводу словаря Поатвеня» (1860), «Замѣчанія о словарѣ славянскихъ нарѣчій и о трудахъ А. Шлейхера» (1866), записка о составленіи словаря русскаго языка (1866).

Работы надъ тѣмъ монументальнымъ трудомъ, который увидѣть въ печати самому ему не пришлось и который только теперь, въ 1912 г.,

закончился одиннадцатымъ выпускомъ, начаты И. И. издавна — съ половины 1840-хъ гг. Сначала составитель не предполагалъ ограничить его матеріаломъ письменныхъ памятниковъ древней литературы, думая внести въ него и новый языкъ; но планъ этотъ, постепенно перерабатываясь, къ концу 1860-хъ гг. вылился въ словарь древне-русскаго языка по памятникамъ до XIV в.; тогда же была сдѣлана первая проба его изданія, остановившаяся на первомъ же листѣ; причиной этой остановки былъ, очевидно, сильный приливъ памятниковъ: это была пора открытій въ исторіи изученія русской письменности. Увеличивая число памятниковъ даннаго періода (до XIV в.), вносимыхъ въ матеріалъ для словаря, послѣ 1860-хъ гг. И. И. сталъ понемногу расширять и самый періодъ времени, изъ памятниковъ котораго онъ черпалъ матеріалы, захвативъ въ своихъ работахъ, кромѣ XI—XIV вв., XV и частью XVI вѣка. Наиболѣе трудный вопросъ при составленіи словаря заключался въ систематизаціи, т. е. въ выдѣленіи изъ всего запаса собраннаго лексическаго матеріала, включавшаго помимо древняго русскаго языка и церковно-славянскій, именно того, что представляло собою языкъ русскаго народа XI—XV вв.; этотъ вопросъ составителю словаря пришлось рѣшить, принявъ въ основу принадлежность или непринадлежность даннаго памятника къ русской письменности; отдѣленіе языка церковно-славянскаго отъ древняго русскаго онъ находилъ настолько невозможнымъ, насколько невозможно теперешній русскій языкъ отдѣлить отъ простонароднаго; и словарь свой, нужно думать, понималъ не только какъ сборникъ словъ и реченій живого народнаго языка древней Руси, но и какъ совокупность всѣхъ словъ, находящихся въ памятникахъ русскаго письма, — т. е., такимъ образомъ, и церковно-славянскихъ, — усвоенныхъ, понимаемыхъ и распространенныхъ въ образованномъ классѣ древней Руси, среди русскихъ книжныхъ людей X—XV вѣковъ.

Словарь послѣ смерти И. И. остался въ рукописи, вѣрнѣе — въ массѣ карточекъ и рядѣ частныхъ словарей къ отдѣльнымъ памятникамъ. Значеніе словаря еще при жизни составителя было оцѣнено и отдѣльными учеными, пользовавшимися его матеріалами, и сочленами И. И. по Отдѣленію русскаго языка, хорошо знакомыми по неоднократнымъ его сообщеніямъ съ ходомъ и направленіемъ его словарной работы

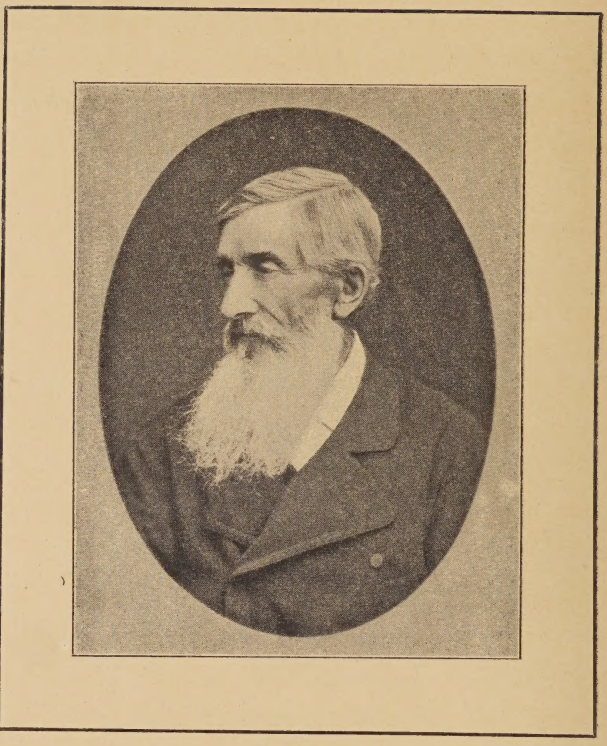
и принимавшими участіе въ обсужденіи ея плана; это обстоятельство сдѣлало то, что словарь не остался подъ спудомъ и изданъ Академіей подъ названіемъ «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка», такъ какъ дѣйствительно словарь въ значительной мѣрѣ представляетъ собою сырой матеріалъ, не обработанный опытной рукой мастера. Собранный И. И. лексическій матеріалъ громаденъ: словарь обнимаетъ собою 308 печатныхъ листовъ или 4928 столбцовъ; по приблизительному подсчету количество всѣхъ выписокъ достигаетъ 120.000.

Труды И. И. по географіи русскаго языка и по разработкѣ вопросовъ лингвистики въ связи съ этнографіей въ петербургскій періодъ его жизни сосредоточились въ географическомъ обществѣ, въ которое онъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ по этнографическому отдѣленію вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ февралѣ 1847 г. Наибольшую напряженность работы его по отдѣленію этнографіи имѣли въ 1850-хъ гг., когда онъ состоялъ сначала (1850—1856) помощникомъ предсѣдательствующаго въ отдѣленіи И. И. Надеждина, а затѣмъ предсѣдательствующимъ (1857—1859). Съ самаго вступленія въ общество И. И. приступилъ къ разработкѣ обширнаго собранія рукописныхъ матеріаловъ, поступавшихъ въ общество въ отвѣтъ на разсылаемую этнографическую программу; въ 1852 г. онъ предложилъ начать изданіе разработанныхъ имъ матеріаловъ географическаго общества съ приложеніемъ своего собственнаго собранія такихъ же матеріаловъ, и въ 1853 г. приступилъ къ печатанію сборника матеріаловъ для географіи русскаго языка подъ заглавіемъ «Памятники народнаго русскаго языка и словесности»; въ 1856 г. внесъ предложеніе о необходимости изданія матеріаловъ для этнографическаго словаря русскаго языка, принявъ на себя его редакцію; оба эти предложенія не были, однако, приведены въ исполненіе. Въ изданіяхъ общества И. И. помѣстилъ рядъ цѣнныхъ статей по географіи русскаго языка; это были: «Этнографическая карта Европы и пояснительная статья къ ней» (1849), «Замѣчанія о матеріалахъ для географіи русскаго языка» (1851), «Русь Угорская, отрывокъ изъ опыта географіи русскаго языка» (1852). Къ этому ряду статей надо отнести еще напечатанную въ академическихъ Извѣстіяхъ историко-географическую статью «Русское населеніе степей и южнаго поморья въ XI—XIV вв.» (1860), не напечатанныя статьи о

трудахъ Второва и Александрова-Дольника по изученію юго-восточной окраины Россіи, о «Пѣсняхъ разныхъ народовъ» Берга, «Объ этнографическихъ изслѣдованіяхъ въ современной русской литературѣ» (сохранилось введеніе и планъ) и др.

Къ общимъ работамъ по русскому языку слѣдуетъ отнести тѣ, которыя были посвящены вопросамъ преподаванія языка. Онѣ явились, какъ И. И. самъ пишетъ, результатомъ его служебной дѣятельности: въ 1848 г. онъ былъ назначенъ для наблюденія за преподаваніемъ и испытаніями по русскому языку и словесности въ петербургскихъ гимназіяхъ, потомъ съ 1851 по 1857 г. состоялъ инспекторомъ частныхъ пансіоновъ и школъ въ Петербургѣ, съ 1856 по 1859 г. былъ членомъ ученаго комитета главнаго управленія училищъ по русской словесности. Всѣ эти служебныя занятія не были, да и не могли быть, по самому складу натуры И. И. Срезневскаго, простою формальностью: онъ уходилъ въ нихъ глубоко и съ увлеченіемъ.

Первое мѣсто въ ряду педагогическихъ трудовъ И. И. занимаютъ его бесѣды «Объ изученіи родного языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ» — извлеченіе изъ читанныхъ имъ въ 1860 году публичныхъ лекцій въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Бесѣды эти, затрагивая жизненные, больные донынѣ, вопросы педагогики, въ свое время возбудившія оживленный обмѣнъ мнѣній, не только не потеряли значенія, но и теперь должны быть поставлены въ ряду лучшихъ трудовъ, наиболѣе полно продуманныхъ и широко охватывающихъ предметъ (напечатаны въ Извѣстіяхъ Имп. Академіи Наукъ и отдѣльно въ 1860—1861 гг., вновь переизданы съ нѣкоторыми добавленіями изъ другихъ работъ И. И. въ 1899 г.). Къ той же области относятся статьи: «Замѣчанія о первоначальномъ курсѣ русскаго языка» (1859), «Дополненія къ замѣчаніямъ о первоначальномъ курсѣ русскаго языка» (1859), «Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ» (1871), «Изъ добавочныхъ листковъ къ бесѣдамъ объ изученіи родного языка (1899). Кромѣ этихъ работъ въ бумагахъ И. И. Срезневскаго сохранилось, и до сихъ поръ еще не издано, не мало замѣтокъ, принимавшихъ иногда размѣръ обширныхъ статей, отвѣтовъ на запросы попечителей округа и министровъ. Таковы: Наставленіе препо-



Портретъ И. И. Срезневскаго
1877 г.

давателямъ русскаго языка и словесности въ гимназіяхъ (ок. 1850 г.), Записка о преподаваніи отечественнаго языка и словесности въ гимназіяхъ (1858), Замѣчанія о программахъ русскаго языка и словесности, Записка объ упражненіяхъ воспитанниковъ гимназій по русскому языку и словесности (1876) и др.

Главную массу филологическихъ трудовъ И. И. представляютъ изслѣдованія памятниковъ. На первомъ мѣстѣ среди нихъ должно поставить его классическій трудъ «Древніе памятники русскаго письма и языка X—XIV вв.»—единственный до сихъ поръ повременный списокъ русскихъ памятниковъ, сжатый по формѣ, чрезвычайно богатый содержаніемъ, плодъ обширнаго труда, разнообразныхъ знаній и соображеній, мелочныхъ и утомительныхъ работъ. Кромѣ перечня памятниковъ въ немъ была дана масса выписокъ изъ памятниковъ, по большей части до того времени въ печати совершенно неизвѣстныхъ. Впервые напечатанный въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ» и занявшій одинъ почти весь 10-й ихъ томъ (отдѣльнымъ изданіемъ былъ выпущенъ въ 1863 г.), трудъ этотъ потомъ былъ переработанъ составителемъ и изданъ, но уже безъ приложеній, послѣ его смерти (1882).

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ его обзоръ кирилловскихъ памятниковъ юсоваго письма «Древніе славянскіе памятники юсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка» (1868). Кромѣ обширнаго изслѣдованія о тридцати трехъ памятникахъ XI—XIV вв., изъ которыхъ только четыре были извѣстны ранѣе, книга эта представляетъ въ точной для того времени передачѣ тексты рукописей, частью полностью, частью въ выпискахъ. Общій обзоръ юго-западныхъ памятниковъ за IX — XII вв. И. И. далъ въ книгѣ «Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ славянъ» (1864).

Изслѣдованія о памятникахъ глаголическихъ, къ которымъ И. И. неоднократно возвращался въ своихъ занятіяхъ, находятся въ связи съ разрѣшеніемъ общаго вопроса о времени происхожденія глаголицы и отношенія глаголическаго письма къ кирилловскому; они были собраны въ трудѣ «Древніе глаголическіе памятники» (1866); въ немъ были напечатаны въ сопровожденіи палеографическихъ и филологическихъ изслѣдо-

ваній тексты всѣхъ тогда извѣстныхъ глаголическихъ памятниковъ—малые полностью, большіе въ извлеченіяхъ,—а также тѣ части кирилловскихъ памятниковъ, въ которыхъ есть «что нибудь глаголическое». Опредѣленнаго рѣшенія о времени происхожденія глаголицы И. И. не далъ; склоняясь ранѣе (въ изслѣдованіи «Древнія письмена славянскія» 1848 г.) къ мысли о составленіи глаголицы по образцу кириллицы въ Болгаріи въ IX—X в., потомъ онъ отказался отъ такого точнаго опредѣленія, считая, что для признанія первенства за глаголицей или кириллицей еще слишкомъ мало матеріаловъ.

Помимо этихъ общихъ описаній памятниковъ, И. И. было напечатано множество другихъ, разбросанныхъ отдѣльными статьями въ различныхъ изданіяхъ, преимущественно въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности»; еще болѣе подобныхъ работъ осталось неизданными, какъ неизданными остались и составленныя И. И. описанія различныхъ русскихъ библіотекъ. Въ 1864 году И. И. предпринялъ изданіе особаго сборника подъ названіемъ «Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ», выходившаго въ неопредѣленное время выпусками; здѣсь были собраны его изслѣдованія о памятникахъ литературныхъ, о рукописяхъ кирилловскихъ, глаголическихъ и греческихъ, и, наконецъ, о памятникахъ вещественныхъ. Этотъ богатѣйшій сборникъ, заключающій въ себѣ 91 изслѣдованіе, до сихъ поръ является необходимой книгой для всякаго работающаго въ области русской и славянской литературы, палеографіи и филологіи.

Къ предыдущимъ работамъ И. И. примыкаютъ труды историко-литературные: «Древнія жизнеописанія русскихъ князей X — XI вв.» (1853), «Изслѣдованія о лѣтописяхъ новгородскихъ» (1853), «Договоры съ греками» (1854), «Повѣсть о Цареградѣ» (1854), «Хожденіе за три моря Аѳанасія Никитина» (1856), «Задонщина великаго князя господина Дмитрія Ивановича» (1857), «Древнѣйшія договорныя грамоты Новгорода съ нѣмцами» (1857), «Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ» (1860), «Грамота великаго князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву мон. 1130 г.» (1860), «Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ» (1862, перепзданы съ дополненіемъ статьи о Повѣсти временныхъ лѣтъ въ 1903 г.), «Чтеніе о Ки-

риллѣ и Меѳодіи» (1869—не напечатано), «Сказанія объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ», по поводу книги К. И. Невоструева (1873), наконецъ, напечатанное черезъ много лѣтъ послѣ смерти И. И. «Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ кормчей книги» (1897). Нѣкоторыя изъ этихъ работъ составляютъ часть университетскаго курса русскихъ древностей; онѣ сохранились въ бумагахъ И. И. въ нѣсколько переработанномъ видѣ, какъ бы предположенныя для перепечатки при изданіи обзора памятниковъ X—XII вв. Другія, каковы «Хоженіе Аѳанасія Никитина» и «Повѣсть о Цареградѣ», имѣютъ характеръ ученыхъ комментаріевъ къ памятникамъ. «Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ» представляютъ наряду съ тщательнымъ палеографическимъ воспроизведеніемъ рукописи опытъ возстановленія первоначальнаго текста. Въ «Обозрѣніи кормчей» находимъ историко-юридическое изслѣдованіе памятниковъ съ обширными извлеченіями статей, имѣвшихъ церковно-правовое значеніе въ русской жизни.

Близкая къ области филологическаго и историко-литературнаго изученія древнихъ памятниковъ область вспомогательныхъ наукъ—палеографіи, археографіи и археологіи — интересовала И. И. издавна, хотя и болѣе или менѣе косвенно; въ 1860—1870-хъ гг., благодаря постояннымъ работамъ надъ рукописями, этотъ интересъ значительно увеличился, въ особенности къ палеографіи, которая къ концу его жизни заняла одно изъ главныхъ мѣстъ въ его трудахъ. Съ 1850 г. по самую кончину И. И. состоялъ членомъ Русскаго археологическаго общества; въ 1855 г. онъ былъ избранъ управляющимъ отдѣленіемъ русской и славянской археологіи (до 1857 г.) и затѣмъ вторично съ 1859 по 1867 г.; при возникновеніи въ 1855 г. повременнаго изданія общества «Извѣстій» ему была поручена его редакція (отъ которой онъ, впрочемъ, отказался по выходѣ 1-го выпуска). Здѣсь, а также въ «Запискахъ археологическаго общества», были напечатаны его статьи: «Збручскій истуканъ» (1853), «Монета Игоря» (1861), «Пещера Ивана грѣшнаго и Ѳеофила» (1861), «Крута каличья» (1862), «Родословное дерево русскихъ князей и царей» (1863), «Навертень XVII в.» (1863), «Надпись на Нередицкой церкви близъ Новгорода» (1863), «Древній византійскій ковчежецъ» (1863). Въ 1867 г., по порученію археологическаго общества, И. И. принялъ участіе въ антверпенскомъ археоло-

гическомъ съѣздѣ; тогда же ему было поручено ознакомиться съ дѣятельностью ученыхъ заграничныхъ обществъ по части славянской археологіи и войти съ ними въ сношенія. По порученію общества И. И., отчасти совмѣстно съ Ѳ. Гр. Солнцевымъ, была предпринята работа по снятію копій съ фресокъ и мозаикъ Кіевскаго Софійскаго собора и по обозрѣнію, описанію и копировкѣ на бумагу и гуттаперчу предметовъ древности, хранившихся въ ризницахъ собора, Кіево-Печерской лавры, Кирилловскаго монастыря, Спаса на Берестовѣ. Длинный рядъ статей по вопросамъ археологіи былъ напечатанъ И. И. въ недолго выходившемъ въ 1860-хъ гг. журналѣ В. А. Прохорова «Христіанскія древности и археологія»; здѣсь появилось его введеніе въ курсъ древностей русскаго языка—«Древнія русскія книги» (1864), «Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ славянъ» (1864), «Μηνολόγιον имп. Василія X в.» (1862), «Каменный крестъ у церкви Благовѣщенія въ Новгородѣ» (1862), «Антиминсъ 1149 года» (1862). Далѣе слѣдуетъ упомянуть напечатанную въ 1867 г. въ «Древностяхъ московскаго археологическаго общества» статью «Древнія изображенія в. к. Владимира и в. к. Ольги». Позже дѣятельность И. И. по археологіи нашла себѣ примѣненіе въ археологическихъ съѣздахъ, однимъ изъ учредителей которыхъ онъ былъ и въ которыхъ принималъ дѣятельное и живое участіе. Въ «Трудахъ» съѣздовъ появились его статьи: «Слово о значеніи съѣзда», «Нѣсколько припоминаній о современной русской археологіи» (дающая, между прочимъ, интересную характеристику современныхъ дѣятелей по археологіи), «Списокъ съ подлинника древняго глаголическаго миссала», «Св. Софія Цареградская по описанію русскаго паломника XII вѣка», «О древней глаголической рукописи Кіевской духовной академіи», «О русскихъ древностяхъ Казанской губерніи и средняго Поволжья».

Палеографическія работы И. И. постоянно шли у него, какъ одна изъ частей изслѣдованія памятниковъ, но далеко не всегда входили въ составъ описаній, большею частью оставаясь въ видѣ замѣтокъ и служа только какъ подготовительный матеріалъ для рѣшенія хронологическихъ вопросовъ. Имѣя обыкновеніе дѣлать съ каждой древней рукописи, побывавшей у него въ рукахъ, снимокъ ея письма, стараясь изучить особое начертаніе буквъ, И. И. въ 1870 гг. сдѣлался лучшимъ, авторитет-

нѣйшимъ и въ нѣкоторыхъ вопросахъ единственнымъ тогда знатокомъ русской палеографіи. Главнѣйшій результатъ его работъ по палеографіи— его систематическое собраніе снимковъ съ памятниковъ русскаго письма, заключающее въ себѣ болѣе 900 снимковъ — не увидѣло свѣта; лишь небольшая часть его была издана, какъ приложеніе къ «Древнимъ памятникамъ русскаго письма и языка», въ 1866 г. и позже вторымъ изданіемъ въ 1898 г. Кромѣ этого собранія въ бумагахъ И. И. сохранилось собраніе снимковъ съ юго-славянскихъ рукописей (извлеченіе изъ него было напечатано, но въ свѣтъ не появилось), съ памятниковъ глаголическихъ (небольшая часть снимковъ напечатана въ приложеніяхъ къ книгѣ «Древніе глаголическіе памятники», 1866), прориси и фотографіи отдѣльныхъ статей рукописей, а также и цѣлыхъ памятниковъ (напр. Болонской псалтыри); далѣе, не малое количество снимковъ съ древнихъ каменныхъ и металлическихъ образковъ и крестиковъ на бумагѣ, гуттаперчѣ и гипсѣ. Работы по русской палеографіи привели И. И. къ занятіямъ палеографіей греческой, результатомъ которыхъ была обширная статья его «Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма» (1876 г.) и значительное собраніе снимковъ съ греческихъ памятниковъ (около 275 снимковъ).

Особнякомъ отъ всѣхъ другихъ трудовъ И. И. стоитъ его работа, не надолго, но сильно увлекшая его въ 1870—1871 г. — это историческій эскизъ «Юліанъ Отступникъ и его защита язычества», двѣ лекціи, прочитанныя И. И. въ мартѣ 1871 г. въ пользу недостаточныхъ студентовъ и въ свѣтъ не выходившія. И. И. положилъ себѣ задачей представить Юліана на основаніи собственныхъ его писаній и свидѣтельствъ его современниковъ—хулителей и защитниковъ, изъ показаній ихъ выбирая и отмѣчая сходное, и отбрасывая все другое, «не хваля его и не порицая, не обвиняя и не оправдывая, а только посильно объясняя, почему онъ былъ такимъ, какимъ былъ». Сдѣлавъ очеркъ язычества въ половинѣ IV вѣка, И. И. разсматриваетъ отношенія къ нему Юліана, «его религіозныя убѣжденія, его желанія и виды, его дѣйствія для поддержанія язычества въ кругѣ коренныхъ вѣрованій, правилъ нравственности и религіозныхъ обрядовъ» и, наконецъ, разбираетъ вопросъ «былъ ли Юліанъ дѣйствительнымъ защитникомъ язычества?

Самостоятельное мѣсто среди трудовъ И. И. занимаютъ и его обзоры дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, ихъ біографіи, воспоминанія о нихъ, замѣтки о ихъ сочиненіяхъ, оцѣнка ихъ работъ. Много такихъ статей было напечатано при его жизни, нѣсколько — послѣ смерти, но очень много осталось до сихъ поръ подъ спудомъ частью среди бумагъ И. И., частью въ архивахъ академіи и университета. Въ статьяхъ этихъ заключается цѣлая лѣтопись литературныхъ и научныхъ сношеній И. И., подчасъ живая и яркая, подчасъ глубокая и серьезная. Здѣсь находимъ обзоръ дѣятельности Востокова, изданіе его переписки, снабженной чрезвычайно цѣнными примѣчаніями, воспоминанія о митрополитѣ Евгеніи, о Ганкѣ, Вукѣ Караджичѣ, Шлейхерѣ, А. И. Тургеневѣ, о Прейсѣ, Григоровичѣ и Бодянскомъ, Викторовѣ, Потебнѣ, замѣтки о Квиткѣ, И. П. Котляревскомъ, гр. Головкинѣ, Савельевѣ, Штурѣ, Колларѣ, Строевѣ, Надеждинѣ, Ундольскомъ, Гриммѣ, Сахаровѣ, очерки дѣятельности Буткова, Никитенка, Дубровскаго, Бычкова, П. А. Лавровскаго, Гильфердинга, Буслаева, Бестужева-Рюмина, Веселовскаго, Горскаго, Грота, Пекарскаго, Невоструева, Носовича, Савваитова, Сухомлинова, Уварова, Цейновы, Верковича, Владиславлева, Ламанскаго и много статей, посвященныхъ разсмотрѣнію отдѣльныхъ трудовъ и изслѣдованій въ области славяновѣдѣнія. Статьи эти важны и какъ характеристика ихъ автора, и какъ историко-біографическій матеріалъ для описанія жизни и трудовъ дѣятелей той эпохи, къ которой принадлежалъ И. И.

Съ этими статьями въ извѣстной соприкосновенности находится тотъ цѣнный кладъ, который остался въ бумагахъ И. И. и до сихъ поръ почти не тронутъ, — это его ученая переписка. Въ тѣ годы, когда печатное слово не было такъ доступно, когда, прежде чѣмъ облечься въ форму статьи, научная мысль долго еще вынашивалась въ умѣ писателя, письма дѣятелей науки особенно драгоцѣнны. И. И. былъ однимъ изъ центровъ, къ которому сходились ученыя силы Россіи и славянскихъ земель; благодаря его живому, общительному характеру, отсутствію замкнутости — обычной черты ученаго,— сношенія его были въ высшей степени обильны и разнообразны. Число писемъ къ нему, сохранившихся въ его архивѣ, можетъ считаться тысячами, число корреспондентовъ сотнями (свыше 900). Въ настоящее время въ архивѣ И. И. понемногу собра-

лась и часть его собственныхъ писемъ, какъ въ копіяхъ, такъ и въ подлинникахъ; кромѣ того въ немъ сохранилось и небольшое собраніе черновиковъ писемъ И. И., преимущественно отъ первыхъ годовъ его дѣятельности. Когда переписка эта появится въ печати, будущій историкъ славяновѣдѣнія, филологіи, литературы и палеографіи въ Россіи и славянскихъ земляхъ найдетъ въ ней матеріалъ исключительной цѣнности.

И. И. Срезневскій состоялъ членомъ слѣдующихъ ученыхъ учрежденій: Императорской Академіи Наукъ (адъюнктъ съ 1849 г., экстраординарный академикъ съ 1851 г., ординарный академикъ съ 1854 г.), Харьковскаго университета (почетный членъ съ 1869 г.), Казанскаго университета (членъ-корреспондентъ съ 1854 г., почетный членъ съ 1869 г.), университета св. Владиміра (почетный членъ съ 1869 г.), Новороссійскаго университета (почетный членъ съ 1879 г.), духовныхъ академій — Кіевской (почетный членъ съ 1869 г.), Московской (почетный членъ съ 1875 г.), Казанской (почетный членъ съ 1877 г.), Петербургской (почетный членъ съ 1879 г.), Археографической комиссіи (дѣйствительный членъ), обществъ — Одесскаго исторіи и древностей (дѣйствительный членъ съ 1843 г.), Русскаго географическаго (дѣйствительный членъ съ 1847 г., почетный членъ съ 1879 г.), Русскаго археологическаго (дѣйствительный членъ съ 1850 г., почетный членъ съ 1879 г.), Любителей россійской словесности (дѣйствительный членъ съ 1859 г.), Московскаго археологическаго (дѣйствительный членъ съ 1864 г., почетный съ 1879 г.), Древне-русскаго искусства при Московскомъ Публичномъ музеѣ (дѣйствительный членъ съ 1869 г.), Петербургскаго филологическаго (дѣйствительный членъ съ 1869 г.), Любителей духовнаго просвѣщенія (дѣйствительный членъ съ 1870 г.), Любителей древней письменности (почетный членъ), Нестора лѣтописца (почетный членъ), Югославянской академіи (почетный членъ съ 1867 г.), бельгійской Académie d'archéologie (членъ-корреспондентъ съ 1867 г.), мадридской Real academia de la historia (членъ-корреспондентъ съ 1868 г.), Музея королевства Чешскаго (почетный

членъ съ 1868 г.), копенгагенскаго общества Société royale des antiquaires du Nord (съ 1845 г.), загребскаго Družtva za povëstnicu i starine jugoslavenske (почетный членъ съ 1850 г.), антверпенскаго Société française d'archéologie (съ 1867 г.), чешскаго общества Svatobor (почетный членъ съ 1867 г.), Academického čtenářského spolku (почетный членъ съ 1874 г.), общества Královská česká společnost náuk (чрезвычайный членъ съ 1878 г.).

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00033271450